

Рудите Вискне

Рига, Латвия

УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ В ВЕНТСПИЛСЕ В 1941 г.

Хотя в основных чертах ход Холокоста исследован, однако в последние годы в историографии Холокоста появляется все больше работ регионального характера, которые позволяют более полно понять процесс уничтожения евреев в Восточной Европе во время нацистской оккупации, и Латвия в этом отношении не является исключением¹.

Уничтожение евреев Вентспилса ранее не было полно отражено в научной литературе², хотя в общих чертах оно рассмотрено в монографии А. Эзергайлisa «Холокост в оккупированной немцами Латвии. 1941—1944»³, являющейся всеобъемлющим трудом о Холокосте в Латвии. Публикация А. Эзергайлisa ввела в оборот исторической науки множество документов, неизвестных латвийским исследователям до распада СССР, тем самым расширив источниковую базу, а также обобщила документы о немецких приказах, связанных с уничтожением евреев. Поскольку в одной работе нельзя досконально изучить эти события по всей Латвии — это и не было задачей автора, — то в факте уничтожения евреев в Вентспилсе еще много неясностей. М. Вестерман в своем труде «Так действовал вермахт», анализируя роль немецкого военного командования в Латвии, рассматривает его действия и в Вентспилсе. Автор признает, что «органы, стоявшие за спиной вермахта, формально, а также фактически были единственными, кто осуществлял на оккупированной территории полицейские функции»⁴. Неоспоримо, что в случае Вентспилса военные учреждения были главными, но и роль СД не была малозначительной.

Задачей автора этой статьи является по возможности адекватно реконструировать, как происходило уничтожение евреев в Вентспилсе и кто его осуществлял.

Проблема исторических источников

В вопросе уничтожения евреев в Латвии существует общая проблема источников, поскольку отсутствуют письменные приказы и поэтому приходится искать доказательства окольными путями и частично реконструировать приказы исходя из последствий и причин.

В статье использованы четыре группы источников: 1) немецкие документы и пресса периода оккупации; 2) документы республиканской Чрезвычайной комиссии⁵ по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников; 3) уголовные дела по преступлениям во время Второй мировой войны; 4) судебные материалы военных преступников, осужденных в западных странах (Э. Грауел и др.).

Перевод с латышского Анатолия Лапковского.

До распада СССР большая часть доступных в Латвии материалов, касающихся преступлений, совершенных во время немецкой оккупации, была опубликована в сборнике «Мы обвиняем»⁶. О действиях полиции Вентспилсского уезда имеются документы только с октября 1941 г., а в фонде вентспилсского уездного старшины нет документов об этом времени.

Чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, которая на востоке Латвии начала свою работу уже в августе 1944 г., сбор материалов в Вентспилсе могла начать только после капитуляции Германии⁷. Но поскольку материалы готовились для подачи в Нюрнбергский трибунал, то время работы было ограничено и вентспилсской комиссии не хватило времени для сбора доказательств. Фактически только 2 июня 1945 г. на заседании комиссии был оглашен ее состав, но уже 12 июня уполномоченный Чрезвычайной комиссии П. Непряхин сообщил, что Вентспилсе в установленное время расследование массовых злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками, закончено на объектах, которые относятся к Наркомату внутренних дел и Наркомату государственной безопасности, а прокуратура своего дела не сделала. Через две недели — 25 июня 1945 г. акт о злодеяниях в Вентспилсе был подготовлен⁸.

Об уничтожении евреев в Вентспилсе материалы Чрезвычайной комиссии как бы не дают никакой информации, поскольку документы поверхностны, носят общий характер и неточны, основываются на показаниях немногочисленных свидетелей. Так, например, в вышеназванном акте говорится: «По свидетельству очевидцев, в сентябре 1941 г. немцы расстреляли не менее 3000 человек только за то, что в советское время они работали в советских учреждениях и организациях, и только за то, что некоторые из них были евреями»⁹. Единственным ценным документом является документ о Пилтене, поскольку в нем говорится об увезенных и расстрелянных в Вентспилсе в июле 1941 г. пилтенских евреях.

Изучение Холокоста затруднено и тем, что в сообщениях о человеческих потерях в военное время советские учреждения употребляли обозначение «мирное советское население»¹⁰, не упоминая национальность убитых. Поэтому в большинстве случаев невозможно установить, сколько среди них было евреев. В большинстве этих материалов не указано время, когда происходили расстрелы евреев, хотя в 1945 г. установить это было проще, чем в наши дни.

В любом случае собранная Чрезвычайной комиссией информация может быть отдельным объектом для исследования. Комиссия, которая работала по всей Латвии, собрала различный по качеству материал. Для исследования менее всего пригодны обобщающие акты, но по отдельным эпизодам имеются и первичные документы. К сожалению, большая часть собранных в Латвии материалов была увезена в Москву и находится в Государственном архиве Российской Федерации¹¹.

Местная пресса, в данном случае газета *“Ventas Balss”* («Голос Венты») — важный источник¹², поскольку: 1) в ней публиковалась часть официальных распоряжений, из которых видно, как за короткий период времени евреи были исключены из общества и кто это сделал; 2) о некоторых событиях в Вентспилсе можно найти информацию, которая не отражена нигде в другом месте; 3) позволяет вскрыть механизм пропаганды, направленной на то, чтобы настроить местных жителей против евреев и привести их к мысли, что евреям нет места в Латвии; 4) по некоторым статьям можно судить о реакции местных жителей на происходившее в Вентспилсе.

Новая группа источников, которую историки начали использовать в своих исследованиях после восстановления независимости Латвии, — архивные материалы бывшего Комитета государственной безопасности (КГБ). Это уголовные дела людей, осужденных за преступления во время нацистской оккупации. В ходе подготовки статьи были изучены дела участников самоохраны¹³ города Вентспилса и Вентспилского уезда, которые были осуждены. Однако, принимая во внимание практику советских судов, где главным было осудить подозреваемого, а не исследовать его конкретные деяния по существу, использование этих материалов ограничено. Уголовные дела Адольфа Кришневскиса и Карлиса Лауданса служат примером того, как велось расследование в отдельных случаях.

А. Кришневскиса арестовали 2 августа 1945 г., до 13 декабря 1945 г. он отрицал участие в карательных операциях, но потом «сломался». Его дело расследовал следователь вентспилского отделения Наркомата госбезопасности Латвийской ССР лейтенант Гамаюнов. В некоторых допросах принимал участие заместитель прокурора Вентспилского уезда Кокуркин. Рассмотрим извлечения из протокола допроса от 14 декабря 1945 г.

В о п р о с: Сколько людей вы расстреляли лично?

О т в е т: Я лично расстрелял 50 советских граждан, которые были по национальности евреи. Некоторым пришлось стрелять в затылок с расстояния двух метров, а некоторым — более активным советским гражданам — в лицо.

В о п р о с: Вы отнимали у расстрелянных ценные вещи?

О т в е т: Ценные вещи, такие как золотые кольца, золотые коронки, вырывали или отнимали участники карательной группы — Экштейнс, Лауданс, Кроя и др. Я тоже это делал, снимал кольца с пальцев расстрелянных, а иногда отрывал кольца вместе с пальцами. Всего я взял примерно 100 золотых колец, которые потом обменял на водку, пил вместе с командиром карательной группы Фрицисом Кроей.

В конце протокола, как полагалось по закону, было написано, что «протокол допроса прочитан на латышском языке с помощью переводчика лейтенанта Захаранса правильно и в полном объеме. Сказанное мною записано правильно».

Возможно, что А. Кришневскис жаловался на методы расследования, поскольку, как только был сменен следователь, 19 марта 1946 г., когда подследственного допрашивал лейтенант Э. Лагздиныш, он утверждал, что его предыдущие показания о расстреле евреев и его участии в нем не соответствуют действительности, поскольку он не принимал участия в этом преступлении, а также не знает людей, которые это совершали. На вопрос следователя, почему А. Кришневскис в своих показаниях признавался, что участвовал в расстрелах евреев, он ответил, что до первой очной ставки с осужденным К. Лаудансом он давал следствию правильные показания о своей деятельности даже во время очной ставки, на которой К. Лауданс утверждал, что он участвовал в расстрелах евреев. Во время следующего допроса после очной ставки с К. Лаудансом следователь его всячески запугивал и угрожал физической расправой, принуждая таким образом подтвердить показания К. Лауданса. Вот тогда он, испугавшись, что следователь осуществит свои угрозы, и подтвердил показания К. Лауданса. После второй очной ставки с осужденным К. Лаудансом 2 января 1946 г. (в деле нет протокола очной ставки) следователь его предупредил, что, в случае если К. Лауданс свои показания сейчас изменит, то пусть он останется при своих предыдущих показаниях. Вот поэтому, будучи под воздействием угроз со стороны следователя, второй раз на очной ставке с К. Лаудансом А. Кришневскис дал ложные показания, не

смотря на то, что К. Лауданс в этот раз утверждал, что никто из них не принимал участия в расстрелах.

К. Лауданса вначале также допрашивал следователь Гамаюнов, и он также сразу «не признался». 19 марта 1946 г., когда К. Лауданса допрашивал следователь Э. Лагздиньш, он говорил:

«Когда на следствии я признался, что присутствовал, когда расстреливали советских граждан еврейской национальности, меня заставили назвать имена лиц, которые там были и принимали участие. Следователь утверждал мне, что ему точно известно, что евреев расстреливали А. Кришневскис и Фрицис Кроя, хотя я и не помню, что видел названных лиц, расстреливающими евреев. И все же на основании утверждений следователя я подтвердил, что видел указанных лиц при расстреле евреев. Но так как следователь принуждал меня назвать новые имена участников, то я был вынужден давать выдуманные преувеличенные показания, пока в конце концов не пришел в противоречие со своими выдуманными свидетельствами»¹⁴.

Хотя ни А. Кришневскис, ни К. Лауданс не были осуждены за расстрел евреев, следователь Гамаюнов продолжал работать в том же духе и сфабрикованные копии протоколов использовал как свидетельства в других делах арестованных¹⁵.

Приведенный пример показывает, какой иногда может быть достоверность исторического источника и как легко исследователь может впасть в заблуждение. Соответствие истине самообвинения, которое широко использовались в советской следственной и судебной практике, во многих случаях невозможно определить. Тем не менее во многих уголовных делах имеется весомый исторический источник для исследования этого вопроса, особенно если использовать большее количество дел, отсеивается правда, появляется последовательность событий, хотя, может быть, только частично. Нередко ценность представляют приобщенные к уголовным делам вещественные доказательства.

В статье использованы показания Э. Грауела и др., а также материалы судебного дела из судебного архива в Ганновере и музея «Евреи в Латвии», которые были получены благодаря любезности А. Эзергайлisa и М. Вестермана.

Образование службы самоохраны

Утром 27 июня 1941 г., когда сотрудники советских учреждений и части Красной армии покинули Вентспилс, город остался без власти, так как немецкие армейские части, вторгшиеся в Латвию с запада, встретив сопротивление, еще находились в Лиепae.

На крупных предприятиях (железнодорожных станциях, молокозаводах и др.) стали стихийно формироваться группы охраны, задачей которых было сохранить имущество предприятий от разворовывания. Поскольку вентспилский порт был одним из крупнейших предприятий и капитан Хуго Михелсонс был энергичным и авторитетным, там образовался координационный центр, который назвали Комитетом безопасности¹⁶.

День 27 июня местные жители провели в ожидании прихода немецких войск. Были высланы разведчики, которые установили связь с передовыми частями немецкой армии. Но подтверждения того, что связь удалось установить, нет.

28 июня в Комитет безопасности поступило сообщение, что бродящие в округе группы красноармейцев терроризируют и убивают гражданское население, поэтому было решено организовать партизанские группы, командование которыми капитан Х. Михелсонс предложил бывшему заместителю офицера латвийской армии Адольфу Кандерсу, поскольку других бывших военнослужащих лат-

вийской армии в Вентспилсе сразу было не найти. На заседании Комитета безопасности А. Кандерс был назначен военным комендантом города Вентспилса. Задачей военной комендатуры была организация боевых групп для борьбы с красноармейцами. Командование обоих формирований объединялось, если военный комендант по важнейшим вопросам связывался с главой Комитета безопасности, в обязанности которого входило поддержание порядка в городе. Отличительным знаком участников Комитета безопасности была белая нарукавная повязка, а участники боевых групп носили зелено-бело-зеленую повязку.

Военная комендатура располагалась на ул. Саулес, 15. Своим помощником А. Кандерс назначил бывшего помощника офицера латвийской армии Р. Круминьша. А. Кандерс сразу же приступил к формированию боевых групп и издал приказ о сдаче оружия. Позднее, однако, выяснилось, что многое из сданного оружия малопригодно. Отзывчивость со стороны местных жителей была велика, особенно активна была школьная молодежь.

Поскольку Вентспилс остался без телефонной связи, следующий приказ получили работники городской центральной телефонной станции, которым за пару часов частично удалось восстановить телефонную связь.

28 июня вечером во многих местах города были установлены посты охраны. В помещениях 8-й основной школы¹⁷ был организован лагерь для военнопленных, поскольку многочисленные группы красноармейцев добровольно сдавались в плен. В распоряжении комендатуры были две вооруженные группы, примерно по 20 человек в каждой. Однако поспешность, с какой из плохо обученных военному делу людей были сформированы группы, нехватка вооружения и отсутствие информации снижали боеготовность этих формирований, и тогда, когда надо было вступать в решающую схватку с красноармейцами, участники группы оказывались неспособными боевиками¹⁸.

29 июня произошла смена командования: А. Кандерса сменил директор коммерческой школы, бывший командир морского дивизиона айзсаргов¹⁹ Янис Лукинс. Смена командования была вызвана неудачной деятельностью боевой группы, однако, возможно, были и другие причины.

30 июня были установлены связи с другими городами и получена более точная информация об отходе войск Красной армии.

Утром 1 июля 1941 г. к Вентспилсу со стороны Кулдиги приближались немецкие войска. Я. Лукинс с группой боевиков пошел им навстречу, и недалеко от Вентспилса они встретились. Я. Лукинс через переводчика Н. Фрицсона доложил немецкому командованию, что в Вентспилсе установлен необходимый порядок и немцы могут смело входить в город. На городской площади прошла торжественная встреча немецких войск, женщины дарили военным цветы, немецкий офицер произнес речь²⁰.

Сразу же после прихода немцев комендантом Вентспилса был назначен лейтенант береговой артиллерии Мейтингер²¹. Как отмечает М. Вестерман, таким образом в Лиепае и Вентспилсе за власть боролись 291-я пехотная дивизия генерала Герцога и командующий военно-морским флотом «С» адмирал Класен, штаб которого вошел в Лиепаю вместе с передовыми частями вермахта. В Вентспилсе морской флот опередил армию и назначил своего местного коменданта²².

2 июля 1941 г. по приказу подполковника Альтгофа в Вентспилсе была организована служба самоохранны. В нее вступили большая часть бывших участников групп охраны.

4 июля 1941 г. в газете “*Ventas Balss*” был опубликован приказ командира участка немецких войск Альтгофа об организации службы самоохарны²³. В приказе были названы главные условия, на основании которых действует служба самоохарны:

«Служба латышской самоохарны может носить только винтовки и пистолеты. Все оружие, которое не поименовано выше (автоматические винтовки и автоматические пистолеты), сдается местному немецкому военному командованию и одновременно командованию войск сообщается о его местонахождении. До сдачи ответственность за хранение оружия несет служба самоохарны. Латышская служба самоохарны является не войсковой частью, а вспомогательной полицией для поддержки немецких вооруженных сил. Руководители службы самоохарны должны представиться командиром участка, которому они подчинены и приказы которого обязаны выполнять.

Количество участников службы самоохарны не должно превышать 2 % от общей численности населения.

При отзыве командира участка служба самоохарны подчиняется командованию находящихся на местах частям и подразделениям немецких войск.

Оплату и питание вспомогательная служба упорядочивает по своему усмотрению.

Вспомогательным службам запрещается реквизи́ровать автомобили. Таким образом организуются службы самоохарны во всех городах, волостях и других населенных пунктах. Служба самоохарны свой внутренний распорядок и правила разработает в ближайшее время».

Х. Биезайс в статье «Национальные партизаны» среди прочего опубликовал как упомянутый приказ от 2 июля, так и «Особые правила формирования сил самоохарны»²⁴. В правилах ясно сказано, что «организация латышской самоохарны не должна привести к преждевременному политическому решению о будущем страны. Поэтому не может быть какой-либо армии, а только вспомогательная полиция. Латышская самоохарна учреждена приказом командира 291-й пехотной дивизии». Второй документ не имеет даты издания, но, как считал Х. Биезайс, он мог быть написан 2 июля, сразу же после взятия Лиепаи.

Эти документы свидетельствуют, что организация самоохарна происходила согласно немецким планам и находилась в подчинении немцев. Однако, если сравнить, как определены задачи самоохарны в этом документе и в документе В. Шта-лакера о подразделениях самоохарны в Эстонии (о Латвии такой документ не обнаружен), то заметно существенное различие. В первом документе «предлагается организовать латышскую самоохарну в Курземе, для того чтобы быстро успокоить страну и очистить ее от большевистского террора и рассеянных отдельных русских бойцов». Во втором «подразделения самообороны были образованы для расстрела населения. Дополнительной их задачей является борьба с партизанами и красноармейцами, которые продолжают появляться в Эстонии. Кроме того, они ответственны за охрану важных армейских объектов, мостов, складов и других объектов, которые могут находиться под угрозой саботажа. Подразделения самоохарны служили также конвоем для транспорта заключенных»²⁵. Различия в задачах можно объяснить тем, что первый документ был составлен представителями немецкой армии, а второй — полицией безопасности и СД. Возможно, что вначале подразделения самоохарны в Курземе предполагалось использовать для укрепления тыловых позиций немецких частей вермахта, но позднее по различным соображениям они были связаны с уничтожением евреев. Но это могло быть и тактическим ходом, чтобы впоследствии не было доказательств. Система создания самоохарны в Вентспилсе противоречит доказательствам Я. Т. Гросса по событиям в Едвабне²⁶. Здесь более ясно, нежели в других городах Латвии, проявилась немецкая схема организации.

До вступления немецких войск в Вентспилс задачей местных групп охраны было поддержание общего порядка в городе, охрана некоторых объектов, задержание красноармейцев и советских активистов, а затем, как свидетельствуют показания арестованных участников групп самоохраны, «их задачей было совместно с немецкими репрессивными органами производить массовые аресты советских граждан и их уничтожение, т. е. силы самоохраны оказывали полную поддержку оккупационной власти в установлении фашистского режима на оккупированной территории»²⁷.

Предварительная подготовка к уничтожению евреев

По последней предвоенной переписи населения Латвии 1935 г., в Вентспилсе проживали 1246 евреев, т. е. 7,98 % жителей; 50 евреев жили в Пилтене. В других населенных пунктах Вентспилсского уезда число евреев было невелико²⁸. До войны вентспилсская еврейская община была достаточно расслоенной. Часть евреев были зажиточными, многие занимались торговлей лесоматериалами, другие, победнее, были рабочими и ремесленниками. По сведениям Политического управления²⁹ Латвии, в период с 1920 по 1940 г. вентспилсский пункт Политуправления арестовал и осудил за коммунистическую деятельность 170 человек, из которых 32 были еврейской национальности³⁰. В большинстве своем это была левацки настроенная молодежь, которая занималась распространением большевистской литературы, устройством собраний и других мероприятий. Неизвестно, все ли они были жителями Вентспилса или только были там арестованы. В октябре 1940 г. в Вентспилсе было 25 членов ЛКП(б) и 9 кандидатов, в том числе один еврей³¹. Пятая часть депортированных 14 июня 1941 г.³² были евреи³³.

Нет точных сведений, какое количество евреев в проживало Вентспилсе и Вентспилском уезде, когда туда вошли немецкие войска.

По данным музея «Евреи в Латвии», лишь небольшая часть евреев в начале войны отправилась в Советский Союз. В Вентспилсе остались примерно 1000 евреев.

Газета "*Ventas Balss*" уже с первых дней своего выхода развернула антисемитскую пропаганду. Это была не столько «заслуга» представителей местной прессы, сколько тщательно спланированная нацистами пропагандистская политика, а местные жители были инструментом, посредством которых эта политика осуществлялась³⁴. К. Кангерис пишет, что руководящую линию и содержание воздействия на советский народ определило собрание, которое состоялось во Внешнеполитическом управлении национал-социалистической партии еще 29 мая 1941 г.³⁵ Поэтому во время оккупации печатные издания по всей Латвии были так похожи одно на другое.

Об издании газеты в Вентспилсе решение было принято сразу после прихода немцев. В этой связи А. Цирулису³⁶ и Я. Лукинсу³⁷ следовало являться к коменданту города Мейтингеру. Сначала указания, в каком направлении должна работать редакция, давала местная военная власть. Для выполнения этой задачи в Вентспилсе был назначен специальный офицер по цензуре — зондерфюрер Маркаус. Редактору газеты А. Цирулису два раза в неделю надо было получать окончательную санкцию на выход очередного номера. Одновременно давались указания и общего порядка, которые газета публиковала. После образования немецкого гражданского управления³⁸ отдел пропаганды два раза в месяц пересылал от

генерального комиссара³⁹ в редакцию бюллетени со статьями, главным образом на политические темы — некоторые из них обязательно следовало публиковать. Два-три раза в месяц присылались темы, о чем и в каком духе следовало писать в ближайшее время. Также указывалось, на какие темы писать нельзя⁴⁰. Арестованный редактор газеты “*Smiltienietis*” («Житель Смилтене») Я. Берзиньш свидетельствовал, что было специальное указание, которое он получил из Риги, что в газете нельзя писать о том, когда, где и сколько было уничтожено евреев. В то время когда началось уничтожение евреев, следовало прекратить и антисемитскую пропаганду, поскольку население Латвии уже и так было возмущено массовым уничтожением евреев⁴¹.

Первый номер газеты “*Ventas Balss*” вышел 4 июля. За время с 4 по 8 июля, когда вышел второй номер, по приказу Мейтингера часть вентспилских евреев были интернированы⁴². В газете это событие объяснялось так: «...жиды, бывшие евреи, которые всю свою жизнь не работали, а всегда, как паразиты, жили за счет других народов, теперь вынуждены учиться работать. Все интернированные вентспилские жида разделены на рабочие колонны и назначены на различные общественные работы. <...> Безвозвратно прошли те времена, когда жид мог жить за счет другого народа». В конце статьи уже звучит угрожающая нотка: «С приходом победоносной немецкой армии жидовству на нашей земле пришел конец».

В этом же номере газеты за 7 июля был опубликован первый приказ вентспилского военного коменданта Мейтингера, который четко объявлял, что кого ожидает в случае неповиновения новому режиму (расстрел виновного или заложника)⁴³.

Как явствует из статьи «Неуместная опека» в газете “*Ventas Balss*” за 8 июля и в статье «Сочувствию жидам нет места» от 11 июля, не все жители Вентспилса поддерживали новую политику против евреев. Как упоминалось в статье, «в редакцию поступили сведения, что тот или иной сердобольный житель Вентспилса очень озабочен судьбой интернированных жидов. Собирает подписи под поручительствами, собирает пакеты с продовольствием и т. д.». 22 июля “*Ventas Balss*” обратилась к проповеднику Пушкевичу, который приютил семью еврея Гиршсона. Газета начала также «воспитательную и разъяснительную работу» среди латышей, возлагая всю вину за то, что с ними произошло в 1940—1941 гг., на евреев. Евреи были представлены как главные виновники страданий латышского народа, поскольку надо было вызвать у латышей желание отомстить. Особенно надо было «стимулировать» к этому латышей Вентспилса, поскольку до этого между латышами и евреями здесь было полное согласие, как отмечала сама “*Ventas Balss*”. В статье «Неуместная опека» неизвестный автор (в большинстве своем статьи были без указания автора) пропаганда в своем антисемитизме заходила так далеко, что, безусловно, выходила из основных принципов нацистской пропаганды, которая «красных чекистов» называла «подручными жидов»⁴⁴.

Возможно, что работникам редакции 11 июля еще не было известно, что ожидает вентспилских евреев в дальнейшем, и поэтому они писали: «И на что жид может у нас жаловаться? Разве они не накормлены, разве их кто-то бьет или они убиты? То, что их заставляют честно работать, это никакая не обида». Хотя это маловероятно, так как уже в 100 км, в Лиепае, и в Риге началось уничтожение евреев.

В любом случае конкретные меры свидетельствовали о приближении еврейской трагедии. В этом же номере “*Ventas Balss*” за 11 июля было помещено сле-

дующее распоряжение коменданта города, которое обозначило следующий шаг, направленный против евреев. Там говорилось, что «всем жидам — как интернированным, так и направленным на работы, надлежит для полного отличия от других национальностей носить на верхней одежде, на правой стороне груди, желтый треугольник размером 6х6х6 см. Освобожденным евреям знаки следует получить в комендатуре в субботу, а интернированным знак для немедленного пришивания выдаст начальник тюрьмы». Распоряжения о ношение знака были отданы и в других местах, где проживали евреи. В Лиепае уже 5 июля комендант города пошел еще дальше, чтобы унижить евреев, — им запрещалось посещать насаждения и взморье, а встретив одетого в форму немца, еврей должен был сойти с тротуара. 25 июля в “*Ventas Balss*” появилось подобное распоряжение заместителя начальника сил самоохраны Я. Лукинса⁴⁵. В нем было указано, что евреям запрещается посещать городские сады и взморье, требовалось сходить с тротуара при приближении немца в военной форме, не разрешалось пользоваться общественным транспортом; совершать покупки можно было только с 10 до 12 часов. Непонятно, почему в этом распоряжении были определены иные, чем в распоряжении от 11 июля, размер отличительных знаков (10х10х10 см) и их местоположение — на спине и груди. Это можно объяснить единственно тем, что ответственные лица хотели проявить свою инициативу, и поэтому в различных местах Латвии были установлены различные отличительные знаки евреев — треугольники, квадраты, звезды, круги — по вкусу издающего распоряжение.

Примерно через неделю после прихода немцев в Вентспилс произошла реорганизация службы самоохраны. 8 июля в Вентспилс из Риги прибыл бывший полковник-лейтенант (подполковник) латвийской армии Карлис Лобе с группой офицеров. В это время и в других местах Латвии А. Пленснерс назначил новых руководителей самоохраны⁴⁶. О прибытии упомянутой группы имеются два свидетельства, которые дали их участники — лейтенант Освальд Страутс⁴⁷ и лейтенант Альфонс Бочс⁴⁸.

Лейтенант О. Страутс в 1940 г. окончил Рижское военное училище, затем был распределен в автотанковую бригаду территориального корпуса⁴⁹, позднее служил в 181-й стрелковой дивизии, которая поначалу дислоцировалась в Слоке, а потом в Балвах. В июне 1941 г. О. Страутс уволился по собственному желанию. 5 июля 1941 г. он выехал из Балв в Ригу.

А. Бочс до появления в Вентспилсе в 1934—1940 гг. работал бухгалтером в отделе снабжения штаба латвийской армии. В 1940 г. ему было присвоено звание лейтенанта интендантской службы. В советское время Бочс был зачислен в комиссию по ликвидации латвийской армии, затем был делопроизводителем отдела продовольственного снабжения 613-го артиллерийского полка. В последние дни июня 1941 г. был уволен. Бочс также 5 июля явился в Ригу и присоединился к тем офицерам, которые откликнулись на призыв собраться у Пороховой башни.

А. Лиепиныш, местный житель Вентспилса, свидетельствовал, что «из Риги прибыл подполковник Лобе с целой свитой офицеров. После появления Лобе военная охрана перешла в его распоряжение и стала называться “самоохраной”. Вместе с другими я автоматически перешел в роту или группу “самоохраны”, командиром которой был подполковник Лобе, он руководил “самоохраной” по всему уезду, а командиром “самоохраны” города Вентспилса был лейтенант Страутс»⁵⁰.

9 июля управления службы самоохрaны Вентспилса было реорганизовано⁵¹. Его начальником приказом начальника латышских сил самоохрaны полковника Александра Пленснера был назначен полковник-лейтенант К. Лобе⁵². По свидетельству О. Страутса, К. Лобе после разговора с военным комендантом Вентспилса сообщил, что был назначен начальником полиции Вентспилского уезда⁵³.

Сохранились несколько приказов, более точно — копии копий, которые издал К. Лобе — начальник службы самоохрaны. Первый раз они были опубликованы в книге «Они без маски»⁵⁴. На одном из документов видна полустертая печать Центрального государственного архива ЛатвССР, которая свидетельствует о принадлежности документа архиву, но такие фонды и описи не найдены, поэтому пока не удалось установить, где находятся оригиналы этих документов. Копии этих документов приобщены к нескольким уголовным делам.

В деле О. Страута имеется протокол, составленный заместителем начальника 1-го следственного отдела Министерства внутренних дел ЛатвССР майором Корчемкиным, старшим следователем майором Шендеровым, старшим оперуполномоченным лейтенантом Комаровым, от 25 марта 1953 г., где упоминается⁵⁵, что при просмотре имеющихся дел вентспилского отдела Министерства внутренних дел были обнаружены трофейные документы, которые после капитуляции немецких войск переняли части Красной армии. Из этого протокола невозможно понять, были ли приказы № 01, № 1 и № 10, которые находились в этом уголовном деле, единственными или только теми, которые доказывали вину О. Страутса. В книге «Они без маски» упоминается, что всего было 24 приказа, подписанных К. Лобе⁵⁶.

Первый приказ К. Лобе датирован 9 июля⁵⁷. Этим приказом К. Лобе назначал своих подчиненных. Я. Лукинс был назначен помощником командира сил самоохрaны, лейтенант Кантс — адъютантом. Капитан Улюкс был назначен помощником начальника сил самоохрaны по делам полицейской службы и тюрьмы, заместитель офицера Кандерс — управляющим делами по лагерю интернированных и жидов, лейтенант О. Страутс — командиром группы самоохрaны и т.д.⁵⁸

Непонятна и нумерация приказов: за номером 1 следует приказ с номером 01, хотя, судя по содержанию приказа, хронологически он был издан позднее. Приказ был адресован начальнику группы самоохрaны Вентспилского уезда. В нем говорилось: «... незамедлительно арестовать всех жидов мужского пола в возрасте от 16 до 60 лет. Врачи и аптекари оставляются только тогда, когда их невозможно заменить. У арестованных незамедлительно отобрать все ценные вещи, фотоаппараты, радиоприемники, велосипеды, мотоциклы, пишущие машинки. На отнятые вещи составляется акт. На оставленное в квартирах имущество составляется акт. Жиды находятся под арестом до распоряжения, но если возможно, следует незамедлительно отправлять их в Вентспилс»⁵⁹. В приказе также говорилось, что до 24 часов 15 июля следует арестовать всех коммунистов. На приказе отсутствует дата, но рукой дописано «выполнено 13.07.41», что может означать, что 13 июля приказ был выполнен и евреи-мужчины были арестованы.

В справке, подготовленной уполномоченным вентспилского отдела Министерства государственной безопасности старшего лейтенанта Зиелмса о деятельности сил самоохрaны в Вентспилском уезде, говорится, что группа самоохрaны в Вентспилсе была образована сразу же после оккупации. Для этой цели в Вентспилс в конце июня или начале июля прибыл бывший подполковник латвийской армии Лобе. Он незамедлительно среди местных жителей, враждебно наст-

роенных по отношению к советской власти, стал искать кадры для самоохраны, снабжая их оружием. Группа самоохраны в начале своего существования в Вентспилсе несла охранную и патрульную службу, но вскоре после контакта с немецкими карательными органами по их распоряжению стала расправляться с партийными и советскими активистами, мирным советским населением, попавшими в немецкое окружение воинами Красной армии. Во время операции военные были подвергнуты уничтожению, а взятые в плен помещены в концентрационные лагеря⁶⁰. Группа самоохраны под командованием Лобе в июле—августе и сентябре 1941 г. арестовала всех советских и партийных активистов и жителей еврейской национальности, а потом недалеко от Вентспилса их убила. Справка не датирована, но могла относиться к 1949 г. Справка показывает, что советских следователей не интересовало ни точное время уничтожения евреев, ни конкретные органы, принимавшие в этом участие, однако в целом она адекватно отражает деятельность подразделений самоохраны.

Аресты евреев

Для выяснения хронологических фактов уголовные дела малопригодны, поскольку информация в них часто противоречивая и неточная, но общую картину, как проходили аресты, они могут дать.

В аресте евреев участвовали полицейская рота, «самоохранщики» и немецкие военнослужащие.

В Вентспилсе для каждой группы был назначен свой район, где следовало арестовать всех евреев. Так, например, группе Э. Вангравса (А. Лиепиньш, Э. Вангравс⁶¹, А. Зивертс⁶², Э. Экштейнс⁶³, Сколмейстерс и два немца) было поручено арестовать евреев, живших на ул. Яня и Карля. Для того чтобы выполнить это задание, вооружившись винтовками, они отправились по квартирам. Порядок ареста был следующим: вся группа входила в квартиру, Э. Вангравс сообщал жителям квартиры, что они арестованы и будут отправлены в тюрьму. Арестованным приказывали взять с собой носильные вещи. Двое из группы оставались с арестованными, пока те собирали вещи. Потом их передавали особому конвою, который отводил евреев в тюрьму, а сами присоединялись к другой группе, которая направлялась в другую квартиру. Таким образом евреев собрали со всех указанных квартир.

Сначала арестовывали только мужчин и женщин, у которых не было детей, позднее — также женщин с детьми. Так же как и в первый раз, евреев арестовывали местные «самоохранщики» вместе с немцами⁶⁴. Нет свидетельств о том, какие учреждения представляли эти немцы, скорее всего они были из дислоцированных в Вентспилсе частей немецкой армии.

Участник группы самоохраны В. Тетерис⁶⁵ свидетельствовал, что он и еще несколько «самоохранщиков» были прикомандированы к немцам. Им надо было участвовать в арестах евреев. Немцы ходили по домам, собирали евреев и передавали их «самоохранщикам», которые конвоировали тех в тюрьму⁶⁶.

Зелма Бергер, муж которой — еврей Давид Бергер работал в морском порту диспетчером, 9 июня 1958 г. свидетельствовала, что ее мужа в начале июля 1941 г. арестовали двое немцев и один «самоохранщик». Сначала ее мужа держали в вентспилской тюрьме и посылали на различные работы⁶⁷.

О том, где и как долго находились арестованные, имеется противоречивая информация. Точно известно, что поначалу еврейские мужчины были помещены в

тюрьму. Женщин и детей сначала разместили в гетто⁶⁸, которое находилось на углу ул. Остас и Кугиниеку, а позднее часть женщин (нетрудоспособных) и детей переместили в синагогу, а часть мужчин — в гетто. Из показаний следует, что в гетто оставили только трудоспособных.

Арестованный «самоохранщик» Роберт Бетхенс⁶⁹ показал, что евреев в Вентспилсе разместили в каком-то доме на углу ул. Кугиниеку и Остас, а также в синагоге на ул. Синагогас, а часть — в каком-то доме на ул. Тиргоню. Р. Бетхенс охранял евреев на ул. Кугиниеку, где находилось примерно 600 человек. Сначала на ул. Кугиниеку разместились все арестованные, но примерно через три недели произошло «разделение» евреев. На ул. Кугиниеку оставили трудоспособных мужчин и женщин, а остальных перевели и вышеупомянутые места⁷⁰. По показаниям свидетельницы А. Волис:

«...С первых дней немецкой оккупации начались аресты евреев и их концентрация в определенных местах города. Местами концентрации евреев были синагога, ул. Пилс и др. Я хорошо видела, что евреев держали в синагоге. Там содержались пожилые женщины с детьми, более сотни человек. Там содержались только те, кто не был трудоспособен. <...> Примерно в сентябре 1941 г., когда крестьяне начали убирать картофель, всех, кто находился в синагоге, однажды ночью посадили в синие автобусы и отвезли в так называемый лес Казиню и расстреляли»⁷¹.

Свидетельница Песя Страздбертманис, которую допрашивали в 1945 г. по делу арестованного Пауля Гривы⁷², показала:

«Еврейское гетто, которое находилось на ул. Кугиниеку, было создано 1 июля 1941 г., и евреи там находились до 9 октября 1941 г. После этого все евреи были расстреляны, а гетто ликвидировано. 1 июля 1941 г. в гетто была помещена жена моего брата Мери Шнейдер (1 июля 1941 г. гетто еще не существовало, свидетельница ошиблась. — *Р.В.*). Я несколько раз ночами тайно носила продукты питания. Она рассказывала мне, что их почти не кормят, а все вещи и ценности у них отбирали. Спали они на цементном полу. В гетто находились только женщины и дети, а мужчины были в тюрьме»⁷³.

Трудоспособные евреи были заняты на лесопилке, ремонтировали дороги, работали в сельском хозяйстве у крестьян-дворохозяев, женщины убрали казармы и дома, где жили немцы. Мужчины из гетто ходили на работу в сопровождении немцев.

Гетто охраняли как полицейские, так и группы самоохраны. Их задачей было не допустить никакого движения по улицам гетто, следить за тем, чтобы посторонние лица не подходили близко и не передавали арестованным пакеты, а если кто-то из обитателей гетто попытается бежать, то стрелять⁷⁴.

В середине июля арестовали и евреев, живших в Вентспилском уезде. Судя по приказу № 10, копия которого находится в деле О. Страутса⁷⁵, евреев Вентспилского уезда отправили в Вентспилс 19 июля.

Приказ № 10

Силам самообороны Вентспилса и уезда

19 июля 1941 г.

§ 1

Распоряжение на 20 июля

Дежурному офицеру: капитан-лейтенанту Веселису

Распоряжение на 21 июля

Дежурному офицеру: лейтенанту Страутсу

§ 2

Приказываю персоналу вспомогательной службы полиции и самоохраны:

а) все приказы немецкой комендатуры и мои распоряжения выполнять точно, без промедления, ибо только такое выполнение может гарантировать нам порядок и скорейшее освобождение от остатков банд большевиков;

б) не допускать никакого своеволия;

в) конфискованный у жидов живой и неживой сельскохозяйственный инвентарь передается в пользование по указанию волостного самоуправления и уездного старосты;

г) все жида с женами и детьми в Вентспилском уезде отправляются в Вентспилс для размещения в общем лагере;

д) жидовские квартиры в уезде приводятся в порядок для проживания, все вещи регистрируются, о чем составляется акт. В жидовские квартиры в уезде размещать людей, которым необходимы квартиры. Эти люди ответственны за то, чтобы жидовские квартиры не были разграблены. Там, где квартиры остаются необитаемыми, следует позаботиться о присмотре за квартирами;

е) весьма скоро в Вентспилсе будет устроен концентрационный лагерь, о чем будет извещено. В этот лагерь будут помещены все подозрительные лица;

ж) за каждые прошедшие сутки начальнику подразделения самоохраны совместно с полицейскими сообщать мне:

1) о своей деятельности и событиях в районе своей деятельности;

2) о местах сосредоточения большевистских банд и пр.

Сообщение должно быть кратким и конкретным. Сообщение необходимо передавать по телефону до 12.00 текущего дня;

з) чтобы успешно бороться с остатками большевистских банд, каждому в районе своей деятельности необходимо организовать разведку. Конкретные данные срочно сообщать в штаб самоохраны в Вентспилс, чтобы совместно с немецкими войсками начать акцию по зачистке. При необходимости в срочных случаях волость помогает волости;

и) последний раз напоминаю, что ни у кого не должно быть частного оружия, это также относится к силам самоохраны и работникам полиции. За неисполнение этого распоряжения — расстрел, невзирая на должность;

к) всем начальникам вменяю в обязанность довести до сведения и объяснить § 2 моего приказа всем своим подчиненным. Ознакомить всех работников также с распоряжением № 1 моего приказа № 9 от 18 июля с.г.

Не указано, где находится оригинал документа. Документ не имеет подписи, но, судя по содержанию, он издан К. Лобе. Этот документ интересен по нескольким причинам. Во-первых, он еще раз напоминает о субординации, которую следовало соблюдать силам самоохраны (это было уже определено в приказе об образовании службы самоохраны), поскольку в начале говорится, что «все распоряжения немецкой комендатуры» и только потом «мои» выполнять точно, во-вторых, это указывает на то, что еврейское имущество передавалось в ведение уездного старосты и волостного самоуправления; в-третьих, что акции по зачистке проводятся совместно с немецкими войсками.

Следующее извещение К. Лобе, помещенное в номере газеты “*Ventas Balss*” за 21 июля, свидетельствует о том, что не все евреи-мужчины были арестованы, поскольку допускалось, что если единственный врач в волости или местечке — еврей, то в случае чрезвычайной необходимости ему могло быть дано временное разрешение работать в этой должности. На основании приказа немецкого коменданта от 15 июля всем евреям было запрещено работать врачами, аптекарями, торговцами и др. Были закрыты также еврейские магазины.

Уничтожение евреев

Рассматривая доступные материалы, пока невозможно точно установить даты расстрела евреев, однако источники свидетельствуют, что уничтожение евреев-мужчин началось в середине июля. И после 15 июля по публикациям в “*Ventas*

Balss” можно почувствовать, что момент уничтожения евреев уже близок. В статье «Жидам нет места на нашей земле» прозвучали прямые угрозы, что «жиды, все как один, должны исчезнуть из Латвии и что весь жидовский народ и каждый жид ответственные за жидовские дела. Грехи жидов слишком тяжелы».

Муж Зелмы Бергер 17 или 18 июля 1941 г. в сопровождении «самоохранщиков» пришел на квартиру за личными вещами. Жене он сказал, что всех арестованных везут в Люблин⁷⁶, в Польшу⁷⁷. С того момента З. Бергер мужа больше не видела. На следующий день от местных жителей она узнала, что евреев-мужчин, которые находились в тюрьме, «самоохранщики» вывезли из Вентспилса на автомашинах и в лесу Казиню, недалеко от моря, расстреляли⁷⁸.

Нет ответа на вопрос, кто приказал расстреливать евреев в Вентспилсе⁷⁹.

В любом случае, судя по ходу событий в Вентспилсе, нет основания утверждать, что латыши-«самоохранщики» могли действовать по собственной инициативе.

Что говорят о расстрелах сами их участники?

Большую часть участников самоохраны после войны арестовали и осудили. Если бы советскому суду надо было доказывать степень содеянного каждым участником и были бы исследованы обстоятельства совершения преступления, то сегодня неясных вопросов было бы намного меньше.

Если рядовой участник самоохраны должен был знать, по-видимому, только то, что ему приказывали, то лейтенант О. Страутс, лейтенант А. Боцс и П. Грива, которые ведали делами гетто, знали достаточно много.

Показания арестованных совпадают в той части, что из участников подразделения «самоохраны» была выделена специальная боевая группа из 10 человек, задачей которой было непосредственное участие в расстрелах. В некоторых показаниях арестованных она названа «ударной группой», но это различие в названиях появилось из-за некомпетентности следователей. Другие участники самоохраны принимали участие в охране мест расстрела и конвоировании. В охране участвовали и участники полицейской роты. Идентифицировать фамилии всех участников боевой группы в силу разных причин невозможно. Так, например, А. Лиепиньш упомянул, что помимо него в боевой группе были Э. Вангравс, А. Зивертс, Петерис или Карлис Сколмейстерс, Э. Экштейнс, К. Ванкинс, Ж. Даркевицс. Фамилии остальных он не помнил, но Ж. Даркевицс в качестве участников специальной группы назвал себя и Э. Вангравса, А. Лиепиньша, Э. Экштейнса, А. Зивертса, А. Екабсонса⁸⁰; К. Третьяков — Э. Вангравса, А. Экштейнса, А. Екабсонса, Шкапарса, Клейманиса, Аболиньша, Риекстиньша, Целминьша и кого-то по кличке *Melnais* (Черный)⁸¹.

По показаниям А. Лиепиньша, уничтожение евреев происходило по распоряжению немецких карательных органов, содержание которого он не знал. А. Лиепиньш трижды принимал участие в расстрелах. Первый раз это было в конце первой или в начале второй половины июля 1941 г. Лейтенант Страутс сказал, что на следующий день надо будет ехать расстреливать евреев. Это было сказано в форме приказа, поэтому никто не осмелился отказаться. А. Лиепиньш:

«На следующее утро я явился на ул. Саулес, 14, где встретил участников боевой группы и других неизвестных мне людей. Все, вооружившись винтовками, под командованием лейтенанта Страутса вскоре выехали в лес Казиню. Машина остановилась на шоссе недалеко от гаража (другие свидетели называли это сараем. — *Р. В.*), там мы все вышли и по шоссе мимо гаража направились в лес. В гараже были собраны евреи-мужчины. Для расстрела было выбрано место за казармами, примерно в 100 м от шоссе, в лесу, где уже были вырыты ямы. Когда прибыли на место расстрела, там

уже находились примерно 50 человек в немецкой форме. За несколько минут до расстрела лейтенант Страутс дал нам выпить немного шнапса [в другом варианте — шнапс перед расстрелом давался в неограниченном количестве и были пьяные, например А. Зивертс] и проинструктировал, что евреев будем расстреливать группами по пять человек, которых заведут в яму и поставят в ряд, а мы, десять человек, встанем в шеренгу примерно в 5 м от края ямы, и двоим надо будет стрелять в одну жертву. Первую группу евреев расстреляли немцы, после чего мы их сменили. <...> По команде О. Страутса «Огонь!» мы произвели выстрел в затылок. Трупы закапывали участники роты охраны. Таким образом, сменяясь по пять человек, были расстреляны примерно 40 евреев. Желающих стрелять было много как со стороны немцев, так и со стороны службы «самоохранщиков», поэтому некоторых участников боевой группы заменили другими»⁸².

Возможно, что это интерпретация следователя, поскольку, например, Ж. Даркевицс утверждал, что во время расстрела отдельные стрелки заменялись запасными, поскольку не могли стрелять из-за «нервного состояния». Но были и такие, кто стрелял систематически. Из свидетельства К. Третьякова также видно, что у всех участников боевой роты не получалось стрелять «столь гладко». К. Третьякову после расстрела первой группы евреев стало плохо, и он больше не участвовал в расстреле⁸³, заменить пришлось и Авотиньша⁸⁴. В следующий раз, когда А. Лиепиньш участвовал в расстрелах, это было через день первого расстрела. Порядок и условия расстрела были такие же, как и в первый раз. Во второй раз расстреляли 40 или более человек. Примерно через два дня в третий раз поехали в лес Казиню расстреливать евреев. Тогда при участии немцев были расстреляны 40—50 евреев.

На вопрос следователя назвать руководителя массового уничтожения А. Лиепиньш ответил, что это был немецкий офицер, но он не знал его звания и занимаемой должности⁸⁵.

Показания Ж. Даркевицса в общих чертах совпадают с показаниями А. Лиепиньша, различно только количество расстрелянных. Возможно, что никто из них точно и не знал число расстрелянных. Ж. Даркевицс:

«Массовые репрессии против советских граждан начались сразу же, как только немецкие войска захватили Вентспилс, т.е. в начале июля 1941 г., по указанию немецкого карательного органа. Исполнителями этого указания были участники вновь созданной так называемой роты самоохраны. Руководителем группы самоохраны всего уезда был подполковник буржуазной армии Лобе, который непосредственно от немцев получил распоряжение уничтожить советских граждан. Все арестованные евреи до расстрела, который произошел через две недели после ареста, содержались в вентспилсской тюрьме, а также в других местах: в доме на ул. Остас, где для евреев было специально организовано гетто. В целях уничтожения еврейского населения командир роты лейтенант Страутс создал из участников этой роты особую, так называемую «ударную группу», в состав которой входил и я. «Ударная группа» действительно расстреливала евреев, с этой целью мы на грузовой машине выехали в лес Казиню, который находится недалеко от Вентспилса. Вместе с нашей «ударной» группой евреев расстреливала и группа немцев. Наша и немецкая группы вместе расстреляли около 200 евреев. Первый раз в составе этой группы на расстрел я выехал во второй половине июля 1941 г., дату не помню. Во второй раз — несколькими днями позже. В третий раз — через несколько дней после второго раза. В промежутках расстреливали другие группы, насколько мне известно, они были скомплектованы из немцев».

На вопрос следователя рассказать об обстоятельствах расстрела Ж. Даркевицс рассказал:

«После того как была привезена группа из пяти человек евреев, по команде лейтенанта Страутса мы, десять человек, встали в один ряд в двух метрах от края ямы напротив стоящих жертв. После этого Страутс командовал «приготовиться», «огонь». По команде «огонь» двое стреляли в одного,

стрелять надо было в затылок. Трупы закапывали специально выделенные для этого люди, среди них были участники группы “С”⁸⁶ (тогда таковая еще не существовала. — *Р. В.*) из волостей, которых я не знал. После этого к ямам гнали очередную группу евреев и мы повторяли то же самое, т.е. расстреливали. После каждых 10—15 расстрелянных нами людей на наше место вставала группа немцев и продолжала уничтожение евреев. Потом снова повторялась смена этих групп, пока все не были уничтожены. В первый раз при моем участии обе группы уничтожили 60 человек, во второй и третий раз также расстреливали, сменяясь группами, и в общей сложности расстреляли примерно 120 человек».

Ж. Даркевиц говорил, что уничтожением евреев командовал немец из частей СС, одетый в немецкую военную форму, но без знаков различия⁸⁷.

Лейтенант О. Страутс, который командовал расстрельной группой, показал:

«Примерно в августе 1941 г. (по показаниям других, это была вторая половина июля. — *Р. В.*) меня вызвал начальник полиции Вентспилсского уезда подполковник К. Лобе. Он мне сказал, что на следующий день состоится массовый расстрел советских граждан еврейской национальности и поэтому мне как командиру карательной роты надо отобрать 10 человек, доверенных участников карательной акции, и вместе с ними выехать на расстрел евреев. <...> На следующий день вместе с работником СД, немцем, фамилию которого я не помню, на автомашинах мы поехали на место расстрела. О нем было известно только упомянутому работнику СД. В трех-четыре километрах к югу от Вентспилса мы остановились у кого-то большого сарая и вышли из машины. В этом сарае были советские граждане еврейской национальности. В нем немцы готовили их к расстрелу, выстраивали их по пять. <...> В этом сарае было около 60 человек. <...> Из этого сарая я со своими участниками карательной акции и работником СД прямо по просеке вошли в лес, примерно в 150 метрах от сарая, остановились недалеко от вырытых ям, которые были примерно 40 метров длиной, более метра шириной и глубиной два метра. Работник СД сказал, что в этой яме мы будем расстреливать евреев. Объяснил, с какой стороны будут стоять мои участники, как евреи будут сходить в яму, по какой моей команде надо открыть огонь по этим жертвам. Первых пятерых евреев расстреляли сами немцы, чтобы показать мне и моим людям, как надо убивать людей⁸⁸. <...> Я расставил своих людей, и по условленному сигналу работника СД из сарая стали выходить обреченные на смерть жертвы. Немцы гнали их бегом, били палками и загоняли в яму. Затем по моей команде мои участники карательной акции открыли огонь, и, когда первая партия из пяти евреев была расстреляна, сверху их засыпали песком. Таким же образом была расстреляна и следующая партия. В этот день под моей командой было расстреляно около 60 советских граждан еврейской национальности. Когда закончили расстреливать евреев, работник СД сказал мне, что теперь надо будет расстреливать коммунистов. Их доставили с поднятыми вверх руками, всего их было пятеро»⁸⁹.

Примерно через неделю группа О. Страутса по распоряжению К. Лобе расстреляла 10—15 евреев, которые до этого находились в тюрьме. В лес вместе с латышами поехал и немецкий офицер, который, по мнению Страутса, за ними присматривал.

Судьба евреев Вентспилсского уезда была сходной с судьбой живших в городе, с одним лишь отличием, что их расстреляли не в своей волости, а отвезли в Вентспилс. Прежде всего люди из местной самоохраны, основываясь на распоряжении К. Лобе от 19 июля, арестовывали мужчин, потом, через пару дней, и женщин с детьми. Сначала пилтенских евреев разместили в школе, а потом на подводах отвезли в Вентспилс. К. Розенталс⁹⁰ о событиях в Пилтене показал, что был приказ арестовать всех мужчин еврейской национальности, что этой акцией руководил начальник группы самоохраны Лаубертс. Участники подразделения самоохраны были разделены на две группы — одни арестовывали, вторые стояли в «оцеплении». В первый раз арестовали 10 мужчин, потом был приказ арестовывать женщин. Во второй раз арестовали приблизительно 25 человек, а так-

же маленьких детей⁹¹. По сведениям Чрезвычайной комиссии, были расстреляны 34 пилтенских еврея, из них шестеро детей до 16 лет⁹². Какую-то психически больную еврейку местные участники самоохраны расстреляли там же, в Пилтене⁹³.

В конце августа в командном составе вентспилсских сил самоохраны произошли изменения. 29 августа 1941 г. в газете "*Ventas Balss*" сообщалось, что с поста начальника ушел К. Лобе. 15 сентября из подразделения самоохраны ушли лейтенант О. Страутс и лейтенант А. Бочс. Неизвестно почему произошли эти кадровые изменения, поскольку «черная работа» еще не была окончена. После освобождения от должностей О. Страутса и А. Бочса в Вентспилсе прошли еще три акции уничтожения евреев: 22 сентября 1941 г. расстреляли 67 евреев, 26 сентября — 183, а с 3 по 17 октября — 533 еврея⁹⁴.

Можно выдвинуть гипотезу, что для бывших офицеров латвийской армии была недопустимой мысль убийства гражданского населения и не о таком наведении «порядка» они думали, уезжая в Вентспилс. По крайней мере О. Страутс в качестве причины своего ухода назвал то, что ему не понравилась такая преступная деятельность⁹⁵. Показания К. Третьякова тоже допускают такую версию. К. Третьяков на вопрос следователя, кто и когда уничтожил остальных евреев, ответил, что дети, женщины и старики были расстреляны через два месяца после мужчин. Расстреливала их специальная группа из Риги. А на вопрос следователя, почему надо было ехать другой группой, когда на месте специально для этой цели была организована боевая группа, К. Третьяков ответил: «Действительно, боевая группа была создана для массового расстрела советских граждан, но в связи с тем, что на место Кандерса руководителем самоохраны был назначен подполковник К. Лобе, последний вместе с лейтенантом Страутсом не дал немцам своего согласия и в дальнейшем производить расстрелы своими силами, поэтому было необходимо вызвать другую группу. Это я знаю из разговоров, которые велись среди полицейских»⁹⁶. Здесь все же существует противоречие, ибо, когда расстреливали мужчин, К. Лобе был начальником самоохраны. Если принять, что О. Страутс на следствии был заинтересован мотивировать свой уход из самоохраны как моральный поступок, то у К. Третьякова не было никакой личной заинтересованности. Конечно, можно допустить, что смена командного персонала была связана с личными разногласиями с немецкими учреждениями.

Противоречивы и свидетельства о расстрелах еврейских женщин и детей. Они совпадают только в том, что убийство женщин и детей произошло позже, чем убийство мужчин, но время расстрела в разных источниках упоминается с августа 1941 г. по октябрь 1941 г.⁹⁷ Точными следует считать те показания, которые дали родственники расстрелянных, а также факт ликвидации гетто. В 1945 г., когда рассматривалось дело Пауля Гривы⁹⁸, ответственного за гетто, в качестве свидетеля был допрошен Емельян Кононов, который показал:

«Как только Вентспилс оккупировали немецкие войска, все жители еврейской национальности были арестованы и заключены в гетто. Моя жена Кононова Роза, по национальности еврейка, также была заключена в гетто. Ее арестовали на улице, когда она возвращалась с базара. Всех арестованных посылали на различные работы в черте города, в гетто находились только женщины, а мужчины были все убиты примерно через неделю после организации гетто. Со своей женой я встречался нелегально в то время, когда она находилась на работе, а позже я получил официальное разрешение. Я носил ей продукты питания примерно два раза в неделю. Во время встреч жена мне рассказывала об издевательствах и пытках со стороны администрации гетто. <...> Моя жена была в гетто примерно три месяца. 8 октября 1941 г. примерно в 9 часов вечера заключенных на машинах стали уво-

зять и 9 октября в 8 утра увезли последнюю партию, в которой находилась и моя жена и трое мужчин, которых арестовали в последний момент: Шнеер — шапочник, Фейтельберг — врач⁹⁹, третий был зубным техником, фамилию которого я не знаю. Всех увезенных расстреляли в лесу в 3 км за городом. Об этом рассказывали сами полицейские, которые сопровождали заключенных».

Е. Кононов упомянул также случай, который слышал от жены, что в конце августа или начале сентября из гетто была вывезена группа заключенных, среди которых была и его жена. Когда эту группу привезли в лес, из нее отобрали 27 человек, которых расстреляли на глазах у всех. После расстрела этих 27 евреев остальных опять увезли в гетто. Администрация гетто сообщила, что сейчас расстрелы запрещены якобы под давлением со стороны Англии и Америки и оставшиеся могут спокойно работать¹⁰⁰. Непонятно, какое могло быть давление со стороны Англии и Америки в августе—сентябре, но нет и причины подвергать данный факт сомнению. Из свидетельства Е. Кононова нельзя сказать, были ли те из 27 расстрелянных женщинами или мужчинами и кто расстреливал.

В материалах Чрезвычайной комиссии имеются показания Ирины Андреевой (от 25 мая 1945 г.), в которых приводится случай, о котором она слышала от жены врача Копеловича. В какой-то день женщин и детей погнали по ул. Васарницу в лес Казиню, там их заставили рыть яму, но потом пришел немецкий командир и сказал, что они амнистированы, хотя латышские перконкрустовцы¹⁰¹ хотели их расстрелять. Через две недели женщин увезли на автомашинах и расстреляли¹⁰². Это свидетельство трудно комментировать, поскольку оно не конкретно, но все же указывает, что между немцами и группой самоохранны были разногласия. Возможно, между нареканиями, которые были высказаны в адрес еврейских женщин в газете "*Ventas Balss*", что еврейки «благодаря ловкости языка и языковым познаниям» установили хорошие отношения с немецкими военными и оговаривают латышей, и у этих событий есть связь¹⁰³.

П. Страдбертманис, у которого жена брата находилась в гетто, говорил, что последний раз видел жену брата 7 октября 1941 г., а 9 октября гетто было пустым¹⁰⁴. Малвине Дамберга, свекровь которой была еврейкой, в 1945 г. тоже утверждала, что последний раз виделась со свекровью 7 октября 1941 г., а 9 октября видела, как всех евреев гетто посадили в автомашины и под усиленным конвоем увезли в неизвестном направлении. П. Грива сказал им, что евреев якобы везут в Лиепая, но потом в городе были разговоры, что их отвезли в лес и расстреляли¹⁰⁵.

По свидетельству П. Гривы, в гетто находились 800 человек: 250 женщин, 250 детей и 300 мужчин. На предыдущем следствии П. Грива утверждал, что 350 мужчин были расстреляны с июля по сентябрь, женщины и дети — с 6 по 8 октября 1941 г., расстрел происходил два дня¹⁰⁶. По информации из судебных материалов Э. Грауела, с 3 по 17 октября в 1941 г. в Вентспилсе были расстреляны 533 еврея и один коммунист¹⁰⁷. Можно допустить, что цифры 533 еврея, которых расстреляли с 3 по 17 октября, и 500, которых упоминал П. Грива, относятся к уничтожению еврейских женщин и детей в Вентспилсе.

Во всех упомянутых материалах ничего конкретного не говорится об исполнителях расстрелов. Свидетели Фрицис Фогелис и Анна Озола видели, что женщин и детей увезли на синих автобусах¹⁰⁸. Но синие автобусы использовали участники команды Арайса.

Участники команды Арайса на акции в провинции обычно выезжали группой до 50 человек. Хотя изучены уголовные дела 43 арестованных и сознавшихся

участников, вступивших в команду Арайса в 1941 г., об уничтожении евреев в Вентспилсе ничего более того, что они туда ездили, узнать нельзя, да и то об этом упомянули только некоторые. Так, например, Янису Бренцису кажется, что в Вентспилс ездили в сентябре, Янису Иезенсу — что в сентябре или октябре, а Эдгар Юргитис не может вспомнить, когда это было. Когда Я. Бренциса 26 ноября 1975 г. допрашивали по делу В. Арайса, он рассказывал, что первый раз в Вентспилсе акция не проходила. Я. Бренцис не мог вспомнить, почему, но допускал возможность, что местная полиция не подготовила все необходимое для акции¹⁰⁹. Э. Юргитис смог сказать, что в Вентспилс ездили под командой лейтенанта Дибиетиса¹¹⁰.

Хотя уничтожение евреев в Восточной Европе нацистами планировалась как почин местного населения, однако нет доказательств того, что в Вентспилсе оно было реализовано таким образом.

Конечно, показания арестованных участников самоохраны идеологически обработаны и действия конкретного лица зафиксированы в протоколах следствия неадекватно, но в главных направлениях развитие событий определимо. Обобщая показания участников самоохраны, можно заключить, что первый раз еврей-мужчины в Вентспилсе были расстреляны в середине июля 1941 г. Июльский расстрел происходил не менее трех дней. Мужчин расстреливали небольшими группами, всего — 200—300 человек. В расстреле участвовали 10 человек из боевой группы латышской самоохраны под командованием лейтенанта О. Страутса, а также немецкие военные. Расстрелом командовал немецкий офицер, и, как признали большинство арестованных, он принадлежал к СД. Место расстрела охраняла рота местной полиции, участники самоохраны и немецкие военные.

Все структуры, ранее участвовавшие в уничтожении евреев, уклонялись от участия в расстреле женщин и детей. Немецкий военный комендант Вентспилса и К. Лобе даже оговаривали возможность уничтожить женщин и детей посредством газ-вагенов (автомобилей-душегубок)¹¹¹. Но этот вариант в силу неизвестных причин не был использован. Поэтому из Риги была вызвана команда Арайса, которая в 6—8 октября 1941 г. расстреляла еврейских женщин и детей.

Из показаний участников самоохраны неясно, какое учреждение или организация расстреливали евреев в сентябре. Исходя из того, что в сентябре произошли большие перемены в руководстве самоохраны, самоохрана могла и не быть связанной с этими расстрелами.

Из уголовных дел участников самоохраны, являющихся наиболее обширным источником информации об уничтожении евреев в Вентспилсе, можно только в общих чертах узнать об участии и роли различных немецких формирований в убийстве евреев в Вентспилсе. Однако источники свидетельствуют, что немцы участвовали в акциях по уничтожению евреев и они проходили под их командованием.

Бывший посланник В. Салнайс уже в 1943 г. указывал, что «немцы сейчас стараются распространить сказку, будто бы латыши были именно теми, кто самым беспощадным образом расправлялся с жидами». Для этой цели немцы якобы предприняли некоторые шаги, как известно, в Женеве, Америке и даже здесь (в Швеции. — *Р. В.*). С этой бессовестной ложью немцев нам определенно надо бороться. Большая просьба срочно разработать и прислать меморандум, который показывал бы, каков в действительности был ход событий, чтобы вовремя противостоять немецкой лжи»¹¹².

На судебном процессе в Ганновере, где судили командира эйнзацкоманды 2 Эрхарда Грауела и др., Грауелу удалось частично переложить вину за уничтожение евреев на подразделение латышской самоохраны.

Версия Эрхарда Грауела

Э. Грауел переехал из Лиепай в Ригу после того, как на его место был назначен В. Кюглер. По пути в Ригу Э. Грауел на три-четыре дня задержался в Вентспилсе. По разъяснению в приказе, изданном Кюглером, его задачей была поддержка начавшихся актов возмездия евреям. Латышам было разрешено казнить тех, кто сотрудничал с врагом. В Вентспилс Э. Грауел прибыл с группой в 20 человек. Начальник самоохраны (имени К. Лобе Грауел не помнил) сказал, что в соответствии с приказом из Риги следует ликвидировать евреев Вентспилса. Э. Грауел не проверил содержание приказа, поскольку он соответствовал тому приказу, что был дан ему. Люди Грауела тоже не проверили приказ, так как считали, что это дело только латышей.

В то время, когда Э. Грауел был в Вентспилсе, там происходил расстрел евреев. Он назначил 17—18 своих людей, которые наблюдали за тем, чтобы во время расстрела не происходило никаких эксцессов. Стреляли только латыши. На второй или на третий день расстрела Э. Грауел отправился на место расстрела и увидел, что расстрел происходит так же, как в Лиепаве. Сначала Э. Грауел не считал, что расстрел евреев — это расовое уничтожение, поскольку кроме евреев расстреливали и жителей других национальностей, потому что они сотрудничали с советской властью. Однако позднее Э. Грауел стал думать, что это были все-таки акции против евреев, поскольку многие были отмечены желтыми звездами. Начальник самоохраны не спрашивал у Э. Грауела разрешения, но сказал, что существует приказ это делать. Он хотел расстрелять также еврейских женщин и детей, но Грауел отверг это.

Суд, принимая во внимание ситуацию в целом, исключил факт, что до или после пребывания Э. Грауела в Вентспилсе была какая-то большая группа СД. В подтверждение этого суд использовал также *Ereignismeldung*¹¹³ Nr. 24 (от 16 июля 1941 г.), где упоминалась *Teilkommando* в Лиепаве, Шяуляе и Елгаве, но ничего не сказано о Вентспилсе. Из этого вытекает, что группа Э. Грауела была первая группа СД в Вентспилсе, но это не исключает того, что там были и какие-то другие группы СД.

Д-р. Бен (*Behn*, командир береговой артиллерии) в связи с расследованием по делу Э. Грауела утверждал, что он прибыл в Вентспилс 11 июля. Через несколько дней после этого его адъютант сообщил, что происходит расстрел евреев. Тогда он поехал посмотреть. В присутствии Бена были расстреляны 20—25 человек.

По показаниям адъютанта Бена — Хаммериха (*Hammerich*), у сарая, где находились евреи, стояли два офицера СС. У одного в руках была нагайка. Он выкрикивал фамилии евреев, после чего вызванные группой в 5—12 человек должны были бежать сквозь шпалеры латышей до ямы и останавливаться у края ямы. Затем латыши стреляли им в спину. По мнению Бена, команду стрелять отдавал какой-то мужчина в форме СС, который, когда закончилась стрельба, продолжал стрелять в лежащих в яме. Есть также вариант, что были вызваны 12—18 евреев, которых уводили в лес в сопровождении эсэсовцев и там расстреливали, стреляя в спину, латышские полицейские и несколько немецких военных, о чем позднее сообщил Бен, но ему было сказано не вмешиваться¹¹⁴.

Основываясь на вышесказанном, суд констатировал, что 14—20 июля в лесу Казиню были расстреляны евреи-мужчины. Это происходило в присутствии по крайней мере двух офицеров СД. Суд занимался выяснением личности этих двух офицеров СД. Прокуратура установила, что одним из двух офицеров СД мог быть Э. Грауел. Но точно знать это невозможно, так как д-р Бен утверждал, что тот, кто называл фамилии евреев, не был в форме офицера СД¹¹⁵.

Гукенгольц (*Hukenholz*) (9-й батальон полиции) утверждал, что участники 9-го полицейского батальона прибыли в Вентспилс из Лиенаи, где пробыли 8—9 дней. Первый раз он участвовал в оцеплении места расстрела. Полицейских заставили рыть ямы. Из сарая мужчин гнали группами по 6—8 человек. В этой акции были люди как СС, так и СД. Руководитель был из СД, говорил на швабском диалекте. Но руководитель из СС был не тот, что в Лиенае.

Требеш (*Trebesch*), который тоже стоял в оцеплении места расстрела, утверждал, что в Вентспилс выехала вся группа Герхарда Фишера, но он не знал, сколько из 9-го батальона полиции.

Битцер (*Bitzer*) видел, как два человека из СД выгоняли евреев из сарая. Прейшхоф (*Preuschhoff*) показал, что 9-й батальон полиции находился в Вентспилсе две недели.

Форстмейер (*Forstmeier*) показал, что какой-то фюрер из СС просил фон Лайнингена ликвидировать вентспилских евреев, но Лайнинген отказался. Тогда фюрер из СС двумя днями позднее явился с командой латышей — и евреи были расстреляны.

Суд в резюме о деятельности Э. Грауела в Вентспилсе пришел к заключению, что Э. Грауела через три недели пребывания в Лиенае вышестоящий начальник отозвал в Ригу. Это, должно быть, был приказ Р. Баца¹¹⁶. В Ригу он поехал не прямым путем, а через Вентспилс. Э. Грауел взял с собой в Вентспилс 12—15 человек из *Waffen-SS*¹¹⁷ и полиции порядка. Ему было поручено собрать сведения о ситуации в Вентспилсе, особенно об антинемецкой деятельности коммунистов. Для этой цели Э. Грауел установил связь с людьми из вермахта. В каждой волости были также латышские добровольцы — группы, которым было дано специальное задание отомстить за депортации, а также свобода действий, как организовать расстрелы. Задачей Э. Грауела было также констатировать, как это происходит на самом деле. Поэтому в Вентспилсе он встретился с комендантом — старшим офицером, который рассказал ему, как происходит расстрел, который осуществляют латыши. Каких-то три дня расстрелы происходили в рамках начатых латышами мер отмщения. В Вентспилсе использовалась та же практика расстрела, что и в Лиенае. Отличием было то, что расстреливаемые лица были известны заранее. На исполнение этой казни Э. Грауел послал своих людей. После окончания акции его разыскал местный начальник самоохранны, который якобы был уверен в том, что акция еще не закончена, поскольку остались женщины и дети. Э. Грауел сказал этому человеку, что не станет этого делать.

Суд решил, что деяния Э. Грауела в Вентспилсе и Лиенае различаются. Э. Грауел признан виновным в участии в трехдневном расстреле в Вентспилсе, когда были расстреляны примерно 150 еврейских мужчин¹¹⁸. Первый прокурор ганноверской прокуратуры Лоббак (*Lobback*) в 1971 г. в качестве свидетеля по делу Э. Грауела допросил Яниса Зариныша¹¹⁹, который какое-то время был шофером в подразделении самоохранны.

Я. Зариньш показал, что в июле 1941 г. ему пришлось везти на мотоцикле командира гетто А. Кандерса в лес Казиню, где проходили расстрелы евреев. Когда они приехали в лес, то он был полон немецких солдат, там были и офицеры. Немецкие солдаты со стеками в руках образовывали живые шпалеры. Латыши в зеленой униформе подвели евреев до шеренг немцев, через которые гнали их до ямы, 10 человек (латыши) непосредственно участвовали в расстреле, остальные охраняли окрестности.

На месте расстрела он видел, что акцией командовали немцы. Среди немецких офицеров двое были высокого ранга, которых до этого видел в гетто¹²⁰. Я. Зариньш видел, как немецкий офицер несколько раз выстрелил из пистолета в тех, кто подавал признаки жизни в яме.

Я. Зариньшу часто приходилось ездить в Лиепая, поскольку зарплату платили в Лиепаяе. Часто приходилось возить и пакеты с документами. Обычно на пакете была отметка «Секретно». Документы он получал в лиепайской полиции безопасности¹²¹.

Показания Я. Зариньша ценны тем, что подтверждают то, что вентспилсская самоохрانا находилась в сфере контроля лиепайской службы СД.

Показания Я. Зариньша о расстреле женщин и детей сильно отличаются от прочих показаний и кажутся маловероятными. По словам Я. Зариньша, в Вентспилс пришел корабль с немецкими, латышскими и эстонскими подразделениями СД. У прибывших на фуражках были черепа, на рукавах — повязка с белыми буквами “SD”. Из разговоров ему стало известно, что это подразделение СД участвовало в расстрелах еврейских женщин и детей¹²².

Ганновский суд констатировал, что расстрел в Вентспилсе происходил так же, как и в Лиепаяе (подразумевая под этим, что расстреливали небольшие группы жертв), за исключением того, что в Вентспилсе заранее были подготовлены списки расстреливаемых, но это входит в противоречие с параллельным заявлением суда, что латышам было дана полная свобода в уничтожении евреев.

С точки зрения суда, Э. Грауелу удалось переложить вину за уничтожение евреев с себя на латышей. Деяния Э. Грауела были квалифицированы как соучастие в расстреле вентспилских евреев. Ему удалось убедить суд и осуществить спланированное нацистами еще до оккупации, т. е. инсценировать то, что расстрел евреев — это акт мести местного населения.

В ы в о д ы

Евреев города Вентспилса и Вентспилского уезда расстреливали в лесу Казиню за время с середины июля по 8 октября 1941 г. В середине июля участники самоохраны под командой О. Страутса, группа Грауела и военнослужащие немецкого 9-го батальона полиции расстреляли около 300 мужчин-евреев. Точно неизвестно, кто были исполнители сентябрьской акции 1941 г., когда 22 сентября были расстреляны 67, а 26 сентября — 183 еврея. Наиболее вероятно, что стрелявшие были кадрами СД или шucoполиции¹²³. Еврейских женщин и детей числом 533 человека 6—8 октября 1941 г. расстреляли участники команды Арайса.

Изученные материалы об уничтожении евреев Вентспилса не подтверждают ни распространенное в советское время утверждение, ни версию Э. Грауела, что К. Лобе и тем самым вентспилские силы самоохраны были главными инициаторами и виновниками убийства евреев. До вступления немецких войск в Вентспилс не проводились никакие антиеврейские мероприятия. Только после того,

как немецкие войска оккупировали Вентспилс, начались репрессии против евреев. Репрессии проводились с участием местного подразделения самоохраны, которое было образовано по распоряжению немцев от 2 июля 1941 г. и в силу этого не могло действовать по своей инициативе.

Ликвидация подразделения самоохраны и запрет знаков различия (красно-бело-красные нарукавные повязки) в Вентспилсе по сравнению с другими местами Латвии произошла поздно — 8 октября 1941 г.¹²⁴, но это подтверждает гипотезу, что ликвидация самоохраны совпадает со временем, когда в соответствующем месте проживания были уничтожены евреи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Urtāns A.* Represijas Latvijas teritorijā nacistu okupācijas laikā // *Latvijas Vēsture*. 2000. Nr. 3. 39.—49. lpp.; *ibid.* 2001. Nr. 2. 41.—45. lpp.; *Ezergailis A., Vīksne R.* Ebreju iznīcināšana Subatē // *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls* (turpmāk — LVIZ). 1998. Nr. 4. 101.—108. lpp.; *Богоявленская С.* Дневник Шейны Грам — исторический и человеческий документ // *Евреи в меняющемся мире: Материалы 3-й Междунар. конф.*, Рига, 25—27 окт. 1999 г. Рига, 2000. С. 430—436; *Эрглис Д.* Некоторые эпизоды Холокоста в Крустпилсе (Судьба Беллы Вейде) // *Евреи в меняющемся мире: Материалы 4-й Междунар. конф.*, Рига, 20—22 нояб. 2001 г. Рига, 2002. С. 374—396; *Смирин Г., Мелер М.* Потерянный мир: Боровка, Данкере, Малта в Латвии // Там же. С. 344—378; *Urtāns A.* Ebreju tautības civiliedzīvotāju slepkavošana Valmieras apriņķī (1941. gada vasara—rudens) // *Holokausta izpētes problēmas Latvijā: Starptaut. sem. ref.*, 2001. g. 29. nov., Rīga, un 2001.—2002. g. pētījumi par holokaustu Latvijā. R., 2003. 253.—278. lpp. (Latv. Vēsturnieku kom. r. 8. sēj.); *Urtāns A.* Ebreju tautības civiliedzīvotāju slepkavošana Latvijas provincē: Ludzas apriņķis // *Holokausta izpēte Latvijā: Starpt. konf. materiāli*, 2003. g. 12.—13. jūn., 24. okt., Rīga, un 2002.—2003. g. pētījumi par holokaustu Latvijā. R., 2004. (Latv. Vēsturnieku kom. r. 12. sēj.); *Ērglis Dz.* Ebreju nogalināšana Krustpīlī // *Holokausta izpēte Latvijā: Starpt. konf. materiāli*, 2003. g. 12.—13. jūn., 24. okt., Rīga, un 2002.—2003. g. pētījumi par holokaustu Latvijā. R., 2004. (Latv. vēsturnieku kom. r. 12. sēj.); *Lasmanis U.* Nairi pilsētas ebreju kopienas gals (holokausta Jaunjelgavā) // *Holokausta izpēte Latvijā: Starptautisko konferenču materiāli*, 2003. g. 12.—13. jūn., 24. okt., Rīga, un 2002.—2003. g. pētījumi par holokaustu Latvijā. R., 2004. (Latv. vēsturnieku kom. r. 12. sēj.); *Prokopovičs Ē., Jēkabsons A.* Talsu apriņķa Valdemārpils pilsētas ebreju iznīcināšana 1941. gada vasarā // *Holokausta izpēte Latvijā: Starpt. konf. materiāli*, 2003. g. 12.—13. jūn., 24. okt., Rīga, un 2002.—2003. g. pētījumi par holokaustu Latvijā. R., 2004. (Latv. Vēsturnieku kom. r. 12. sēj.); *Смирин Г.* Евреи Риги в период нацистской оккупации (1941—1944 гг.) // *Евреи в меняющемся мире: Материалы 5-й Междунар. конф.*, Рига, 16—17 нояб. 2003 г. Рига, 2005. С. 349—380; *Виксне Р.* Уничтожение евреев в Ауце в июле 1941 г. // Там же. С. 381—399; *Рочко И.* Холокост в Латгалии // Там же. С. 414—422; *Уртанс А.* О некоторых аспектах и проблемах в исследовании Холокоста в городе Бауске и Бауском уезде // Там же. С. 400—413; *Lasmanis U.* Holokausta Viesītes mazpilsētā // *Holokausta Latvijā: Starptaut. konf. materiāli*, 2004. g. 3.—4. jūn., Rīga, un 2004.—2005. g. pētījumi par holokaustu Latvijā. R., 2006. 239.—272. lpp. (Latv. Vēsturnieku kom. r. 18. sēj.); *Tomašūns A.* Jelgavā nogalinātie ebreji: padomju un nacistu dati // *Ibid.* 162.—184. lpp.; *Treibe-Treide E., Prokopovičs Ē., Jēkabsons A.* Valdemārpils ebreju kopienas liktenis un ebreju īpašuma ekspropriācija // *Ibid.* 137.—161. lpp.; *Urtāns A.* Ebreju tautības civiliedzīvotāju slepkavošana Kuldīgas apriņķī // *Ibid.* 118.—136. lpp.; и др.

² Советская пропагандистская брошюра, написанная работниками Комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом, чтобы показать преступную деятельность латышских эмигрантов по уничтожению евреев\$ упомянуты также события в Вентспилсе (см.: *Arklaņš B., Dzirkalis J., Silabriedis J.* Viņi bez maskas. R., 1966). В ней впервые опубликованы некоторые документы, которые тогда были доступны только работникам органов госбезопасности. Однако они односторонне интерпретированы и помещены в «сфабрикованном» контексте.

³ *Ezergailis A.* Holokausta vācu okupētajā Latvijā, 1941—1944. R., 1999.

- ⁴ *Vestermanis M.* Tā rīkojās vēirmahts: Vācu militāristu loma nacistisko okupantu noziegumos Latvijā, 1941.—1945. R., 1973.
- ⁵ Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам и общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР; была образована 2 ноября 1942 г. В комиссию входили партийные функционеры Н. М. Шверник (председатель) и А. А. Жданов, академики Н. Н. Бурденко, Б. Е. Веденеев, Т. Д. Лысенко, Е. В. Тарле, И. П. Трайнин, митрополит Киевский и Галицкий Николай, писатель А. Н. Толстой, летчица В. С. Гризодубова. В местах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов, создавались комиссии содействия ЧГК. Комиссия собрала огромное количество документальных и вещественных доказательств, которые сыграли важную роль в разоблачении нацистских военных преступников. Республиканская Чрезвычайная комиссия при Совете Министров Латвийской ССР действовала с 23 августа 1944 г. по 27 июля 1946 г. Ее возглавлял лично первый секретарь ЦК Компартии Латвии Я. Э. Калнберзин. На местах республиканская комиссия образовала 5562 следственные комиссии, в которых были задействованы около 50 тыс. человек. До наступления периода гласности в СССР архивы комиссии находились на секретном хранении; после их открытия обнаружилось, что они содержат колоссальный массив информации. — *Ред.*
- ⁶ Мы обвиняем: Документы и материалы о злодеяниях гитлеровских оккупантов и латышских буржуазных националистов в Латвийской Советской Социалистической Республике, 1941—1945. Рига, 1967. В сборнике «Политика оккупационных властей в Латвии, 1939—1991» (Рига, 1999) новых документов об уничтожении евреев нет.
- ⁷ Курляндская группировка гитлеровцев капитулировала только 9 мая 1945 г. после подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии, в то время как остальная территория Латвии была занята советскими войсками к концу 1944 г. — *Ред.*
- ⁸ Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. Р-132, оп. 29, д. 30, л. 67; оп. 30, д. 12.
- ⁹ Там же, оп. 30, д. 12, л. 5—6.
- ¹⁰ *Костырченко Г.* Тайная политика Сталина. М., 2001. С. 226—227. Хотя автор пишет, что в случае Латвии и Львова так не было, однако во многих материалах латвийской Чрезвычайной комиссии такое обозначение используется.
- ¹¹ *Strods H.* Salaspils koncentrācijas nometne (1941. g. okt. — 1944. g. sept.) // *Latvijas Okupācijas muzeja gadagrāmata*, 2000. R., 2001. 97.—98. lpp.
- ¹² О роли прессы в этот период времени подробнее см.: *Žvinklis A.* Latviešu prese nacistiskās Vācijas okupācijas laikā // *Latvija Otrajā pasaules karā Starptautiskās konferences materiāli* 1999. g. 14.—15. jūn., Rīga. R., 2000. 353.—359. lpp. (Latv. Vēsturnieku kom. r. 1. sēj.); *Dribins L.* Antisemitisms nacistiskās okupācijas laikā izdotajā presē Latvijā (1941—1945) // *Turpat*. 360.—371. lpp.; *Vestermanis M.* Op. cit. 185. lpp.
- ¹³ «Самоохрана» (латыш. *pašaizsardzības spēki* — силы самоохраны) — добровольные отряды, в которые объединились образовавшиеся на территории Латвии в самом начале войны, еще до прихода гитлеровцев, вооруженные группы, вставшие на путь коллаборационизма. Формально были запрещены германскими оккупационными властями 8 июля 1941 г. как самочинные. Действительная их ликвидация обычно совпадала со временем, когда были расстреляны евреи. В дальнейшем наряду с другими пронацистскими формированиями «силы самоохраны» послужили основой для созданных гитлеровцами полицейских структур, которым они доверяли «черную работу», в том числе и за пределами Латвии. — *Ред.*
- ¹⁴ Латвийский государственный архив (далее — ЛГА), ф. 1986, оп. 1, д. 28466. А. Кришневский и К. Лаудане были приговорены к 20 годам каторжных работ, пяти годам поражения в правах и конфискации имущества.
- ¹⁵ Там же, д. 829, л. 74—77.
- ¹⁶ *Ventas Balss*. 1942. 30. jūn.
- ¹⁷ Основная школа в межвоенной Латвии давала обязательное шестилетнее образование. — *Ред.*
- ¹⁸ *Ventas Balss*. 1942. 30. jūn.

¹⁹ См. прим. 55 на с. 270.

²⁰ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 21522, л. 32—33.

²¹ 15 августа 1941 г. новым комендантом города был назначен капитан-лейтенант князь фон Лейнингер.

²² *Vestermanis M.* Op. cit. С. 62.

²³ См.: *Ezergailis A.* Pašaizsardzības komandantūru loma holokaustā // LVIŽ. 1999. Nr. 3. 107.—118. lpp.

²⁴ *Biezais H.* Nacionālie partizāni // Kara Invalids. 1984. Nr. 29. 12.—22. lpp.

²⁵ *Ezergailis A.* Pašaizsardzību komandantūru loma holokaustā. 112. lpp.

²⁶ Имеется в виду погром в Едвабне — массовое убийство евреев в местечке Едвабно в Польше во время Второй мировой войны, 10 июля 1941 г. Считалось, что погром совершили немецкие каратели, однако в 2001 г. американский историк Я. Т. Гросс опубликовал книгу *“Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland”* (Princeton (N. Y.), 2001. (См.: *Гросс Я. Т.* Соседи: История уничтожения еврейского местечка. М., 2002), в которой показал, что погром был совершен местными жителями без помощи немцев. Евреев, составлявших подавляющее большинство жителей этого местечка, сначала мучили и убивали поодиночке, оскверняли их трупы. Затем оставшиеся в живых были загнаны в овин и сожжены живьем. — *Ред.*

²⁷ ЛГА, ф. 1968, оп. 1, д. 1178, л. 262.

²⁸ Евреи жили Вентспилсе в уже с XVIII в. Первым евреем, который прибыл в Вентспилс во второй половине XVIII в. (в то время — Виндава. — *Ред.*), был П. Кауфман-Липшиц (Музей «Евреи в Латвии» (далее — МЕЛ), В-781, л. 1).

²⁹ Политическое управление — политическая полиция в Латвии (в 1920—1924 гг. — Политическая охрана, в 1924—1939 — Центральное политическое управление криминальной полиции, в 1939—1940 — Политическое управление Департамента безопасности) — репрессивный орган для борьбы с противниками политического режима; наряду со штатными чиновниками имело широкую сеть тайных агентов и осведомителей. — *Ред.*

³⁰ ЛГИА, ф. 3235, оп. 1/7, д. 484.

³¹ ЛГА, ф. 2130, оп. 1, д. 2, л. 1—3.

³² В ночь на 14 июня 1941 г. сталинским режимом в отдаленные районы СССР были вывезены 9926 человек. Одновременно были арестованы 4550 человек. В целом эта акция охватила 14 476 жителей Латвии. Даже если принять, что евреев среди них было не 5000 (наиболее распространенная оценочная цифра), а 1771 человек (что подтверждается имеющимися в распоряжении историков архивными документами), то при доле 4,8 % в общей численности населения Латвии евреи составляли 11,7 % репрессированных, т. е. наивысший процент среди этнических групп Латвии. — *Ред.*

³³ Рассчитано по: *Aizvestie*, 1941. gada 14. jūnijs. R., 2001. 663.—671. lpp.

³⁴ После войны многие лица были осуждены за то, что во время немецкой оккупации работали в каком-либо из печатных изданий того времени. Среди осужденных были и редакторы, и корреспонденты, и корректоры. По крайней мере 20 лицам инкриминировалось, что они работали или иным образом сотрудничали в газете *“Tēvija”* («Отечество»). Чаще всего применявшейся мерой наказания было 10 лет лишения свободы с поражением в правах на три или на пять лет, а также конфискация имущества. Иногда судили и тех, кто дал интервью газете. Из работников редакции газеты *“Ventas Balss”* еще был осужден Густав Селга. Он родился в 1918 г., до 1942 г. учился в Вентспилсской коммерческой школе, в 1942 г. начал работать в *“Ventas Balss”*. Сначала был корректором, позднее — корреспондентом. Г. Селгу осудили за то, что «в 1942 г. он поступил на работу в редакцию фашистской газеты *“Ventas Balss”*, сначала исполнял обязанности корректора, а позднее, до 03.44 был корреспондентом газеты *“Tēvija”*. 03.44 призван в легион СС и направлен на курсы военных корреспондентов *“Kurt Eggers”* в Германию, где учился 3 месяца, а после того направлен военным корреспондентом в 15-ю дивизию. 10.44 у Опочки попал в советский плен. Работая корреспондентом, писал и помещал в газете статьи, в которых прославлял фашистский порядок, клеветал на советскую действительность». Г. Селга по статье 58^{1а} и части 2 статьи 58¹⁰ УК РСФСР был приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей, пяти годам поражения в правах и конфискации имущества. Теодор Калнказинш с февраля 1944 г. работал в редакции газеты *“Ventas Balss”*. Осужден за то, что он был «журналистом в редакции фашистской газе-

ты “*Ventas Balss*”. Сочинял стихи и статьи, в которых прославлял фашистский порядок, клеветал на советскую власть, ее армию и советскую действительность». Наказание назначено по части 1 статьи 58¹⁰ УК РСФСР — 10 лет исправительно-трудовых лагерей, пять лет поражения в правах и конфискация имущества. Для А. Андерсона также один из пунктов обвинения была его связь с газетой “*Ventas Balss*”.

³⁵ Kangeris K. Padomju okupācija un 14. jūnija deportācija nākamās okupācijas varas — nacionālsoģiālistiskās Vācijas — propagandā Latvijā (1941.—1942. gads) // 1941. gada 14. jūnija deportācija — noziegums pret cilvēci: Starptautiskās konferences materiāli, 2001. g. 12.—13. jūn., Rīga, R., 2002. 158. lpp. (Latv. Vēsturnieku kom. r. 6. sēj.).

³⁶ А. Цирулис в 1939 г. был техническим редактором “*Ventas Balss*”, затем некоторое время работал страховым инспектором, с июля 1941 г. — ответственный редактор газеты “*Ventas Balss*”. А. Цирулиса осудили за то, что во время немецкой оккупации он был ответственным редактором “*Ventas Balss*”, посредством газеты вел антисоветскую пропаганду. В 1944 г. А. Цирулис добровольно вступил в организацию айзсаргов, был руководителем театрального ансамбля, в марте 1945 г. участвовал в заседании Национального комитета, на котором было принято решение о помощи немецкой армии и дальнейшей борьбе против Советского государства. 8 мая 1945 г. А. Цирулис пытался бежать в Швецию. Он был осужден по статье 58^{1а} и 58¹¹ УК РСФСР и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, пяти годам поражения в правах и конфискации имущества.

³⁷ Я. Лукинс прежде был директором Вентспилской коммерческой школы и командиром морского дивизиона айзсаргов.

³⁸ Формально гражданское управление было назначено 17 июля 1941 г.

³⁹ Генеральный комиссар — руководитель генерального округа — административно-территориальной единицы, входившей в состав рейхскомиссариата. Например, генеральный округ Латвия входил в состав рейхскомиссариата Остланд. — *Ред.*

⁴⁰ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 13437, л. 15—17.

⁴¹ Там же, д. 17817, л. 30—31.

⁴² *Vestermanis M.* *Op. cit.* 70. lpp.

⁴³ *Ventas Balss*. 1941. 8. jūl.

⁴⁴ См.: *Kangeris K.* *Op. cit.* 154.—174. lpp.

⁴⁵ Возможно, осознав аморальность этого распоряжения, вышестоящие лица избегали его подписывать, однако кто-то должен был его подписать, и это был Я. Лукинс.

⁴⁶ Так, например, 9 июля 1941 г. по распоряжению А. Пленснерса в Екабпилс прибыл полковник-лейтенант бывшей латвийской армии Август Дзенигис (ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 633, л. 248).

⁴⁷ О. Страутс был арестован 16 февраля 1953 г., до этого он жил с фальшивыми документами. В надзорном деле О. Страутса имеется документ, в котором сказано, что он состоял на службе в силах самоохраны Вентспилского уезда с 9 июля по 15 сентября 1941 г. в должности командира боевой роты сил самоохраны, а также руководил акциями по зачистке большевистских банд в Вентспилском уезде. О. Страутс был приговорен к высшей мере наказания и конфискации имущества. (ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 21669).

⁴⁸ А. Бочс был арестован 20 мая 1949 г. Его судило Особое совещание, ибо свидетели не были допрошены. К делу приобщены только копии допросов уже ранее осужденных К. Третьякова и А. Лиепиньша. В качестве вещественных доказательств приобщены выписки из приказа К. Лобе о назначении А. Бочса заведующим хозяйственным отделом, копия с копии приказа об аресте евреев, выписка из приказа от 15 сентября 1941 г. в связи с личным заявлением К. Бочса о выходе из подразделения самоохраны и др. По статье 58^{1а} УК РСФСР А. Бочс был приговорен к 25 годам лишения свободы (там же, д. 39917).

⁴⁹ Имеется в виду 24-й территориальный (латвийский) стрелковый корпус Красной армии, в который 27 августа 1940 г. была преобразована латвийская армия. — *Ред.*

⁵⁰ Там же, д. 1178, л. 262.

⁵¹ О вступлении К. Лобе в новую должность “*Ventas Balss*” писала 11 июля.

⁵² О том, насколько А. Пленснерс был правомочен издавать такой приказ, см.: *Biezais H.* *Op. cit.*

- ⁵³ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 21669, л. 39.
- ⁵⁴ *Arklāvs B., Dzirkalis J., Silabriedis J.* Op. cit.
- ⁵⁵ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 21669, л. 238.
- ⁵⁶ *Arklāvs B., Dzirkalis J., Silabriedis J.* Op. cit. 95. lpp.
- ⁵⁷ Ibid. 241. lpp.
- ⁵⁸ Полный текст приказа опубликован в кн: *Ezergailis A. Holokausta vācu okupētajā Latvijā.* 347. lpp.
- ⁵⁹ Фактически цитируемый приказ — это выписка, подписанная адъютантом Кантсом.
- ⁶⁰ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 39947, л. 52.
- ⁶¹ Об Э. Ванграве известно, что в 1943 г. он погиб на фронте.
- ⁶² А. Зивертс осужден по статье 58^{1а} и части 1 статьи 182 УК РСФСР 1 (закону от 7 августа 1932 г.) и приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей, пяти годам поражения в правах и конфискации имущества.
- ⁶³ Э. Экштейнс осужден по статье 58^{1а} УК РСФСР и приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей, пяти годам поражения в правах и конфискации имущества.
- ⁶⁴ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 1178, т. 1, л. 264.
- ⁶⁵ В. Тетерис осужден по статье 58^{1а} УК РСФСР и приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей, пяти годам поражения в правах и конфискации имущества.
- ⁶⁶ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 3041, л. 76.
- ⁶⁷ Там же, д. 42491, т. 1, л. 127—131.
- ⁶⁸ Слово «гетто» здесь употребляется условно в значении места, где были размещены арестованные евреи (так оно фигурирует в материалах следственных дел).
- ⁶⁹ Р. Бетхенс осужден по статье 58^{1а} УК РСФСР и приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей, пяти годам поражения в правах и конфискации имущества. 11 февраля 1955 года, просматривая архивное следственное дело, старший следователь следственного отдела КГБ Савин констатировал, что эпизод с непосредственным участием Р. Бетхенса в расстреле евреев не доказан. Преступление квалифицировано правильно, но наказание назначено слишком суровое. Мера наказания была уменьшена до 10 лет. Освобожден 18 мая 1956 г.
- ⁷⁰ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 1191, л. 21.
- ⁷¹ ЛГИА, ф. Р-132, оп. 30, д. 12, л. 6.
- ⁷² П. Грива осужден статье 58^{1а} УК РСФСР с применением санкции части 2 Указа президиума Верховного совета СССР от 19 апреля 1943 г. на 20 лет каторжных работ и пять лет поражения в правах.
- ⁷³ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 40817, л. 36.
- ⁷⁴ Там же, д. 829, л. 36—37.
- ⁷⁵ Там же, д. 21669, л. 246.
- ⁷⁶ Город в восточной части Польши, который в начале оккупации (1939 г.) гитлеровцы предполагали вместе с Люблинским воеводством превратить в резервацию для еврейского населения Польши и других стран, захваченных Германией. В апреле 1940 г. этот проект был отклонен. — *Ред.*
- ⁷⁷ Представляется, что это была заранее разработанная тактика, ибо евреям в Ауце также было сказано, что их отвезут в Люблин.
- ⁷⁸ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 42491, т. 1, л. 127—131.
- ⁷⁹ О происхождении «главного приказа» и дискуссиях о нем обширно написал А. Эзергайлис в труде «Холокост в оккупированной немцами Латвии». В западной историографии дебаты о «главных приказах» уже достигли третьей стадии (см., напр.: *Browning Ch. R. Nazi Policy, Jewish workers, German killers.* Cambridge, 2000. P. 185; *National Socialist extermination policies: contemporary German perspectives and controversies* / Ed. U. Herbert. N. Y.; Oxford, 2000. P. 336).
- ⁸⁰ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 1178, т. 1, л. 263.
- ⁸¹ Там же, д. 829, л. 19.
- ⁸² Там же, д. 1178, т. 1, л. 269.
- ⁸³ Распределение К. Третьякова в боевую группу представляется сомнительным — у него на левой руке не хватало четырех пальцев. Как показал К. Третьяков, он вступил в группу самоохраны из-за физического дефекта, поскольку ему было трудно найти работу.

- ⁸⁴ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 829, л. 17—18.
- ⁸⁵ Там же, д. 1178, т. 1, л. 273.
- ⁸⁶ Сформированная нацистами латышская вспомогательная полиция подразделялась на три группы: группа “А” — руководство полиции, группа “В” — рядовые штатные полицейские, группа “С” — внештатные вспомогательные полицейские, по мере надобности привлекавшиеся к участию в различных широкомасштабных акциях, дежурствам, конвоированию арестованных и т. д. — *Ред.*
- ⁸⁷ Там же, л. 55—56.
- ⁸⁸ Участники самоохраны в Ауце также показали, что первыми стреляли немцы, чтобы показать латышам, как это делается.
- ⁸⁹ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 21669, т. 1, л. 44—45, 285, 289.
- ⁹⁰ К. Розенталс был осужден по статье 58^{1а} УК РСФСР к 25 годам исправительно-трудовых лагерей, пяти годам поражения в правах и конфискации имущества.
- ⁹¹ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45018, т. 3, л. 180.
- ⁹² Там же, т. 4, л. 15—16; ЛГИА, ф. Р-132, оп. 26, д. 9, л. 68—69.
- ⁹³ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 45018, т. 1, л. 44.
- ⁹⁴ ЛГИА, ф. Р-83, оп. 1, д. 21, л. 2 об. — 3; д. 22, л. 15.
- ⁹⁵ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 21669, л. 286.
- ⁹⁶ Там же, д. 829, л. 23. В книге А. Эзергайлса «Холокост в оккупированной немцами Латвии», в главе об уничтожении евреев в городах, в таблице на с. 329, имеется ошибка: текст «533 еврея и 1 коммунист, убитые в Вентспилсе», должен быть напротив текста «3.10—17.10».
- ⁹⁷ Арестованный Жанис Канепс показал, что он участвовал в охране, когда в конце июля 1941 г. участники самоохраны расстреляли в лесу Казиню 25 еврейских женщин. Но это показание вызывает сомнение, ибо ни один из арестованных о таком случае не упомянул. В жалобе Ж. Канепс также пишет, что следователь вынудил его подписать протокол (ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 6267, л. 57).
- ⁹⁸ Пауль Грива с июля 1941 г. был заместителем начальника гетто, а с сентября — начальником; арестован 23 июня 1945 г., дело рассматривал Военный трибунал войск Наркомата внутренних дел Московской области 3 января 1946 г. и приговорил его к 20 годам каторжных работ и пяти годам поражения в правах.
- ⁹⁹ В воспоминаниях Анны Леини упоминается, что для того, чтобы спасти врача Фейтельберга, были собраны подписи и к ним (в то время А. Леиня жила в Елгавском уезде) явился представитель из Вентспилсской коммерческой школы, где Фейтельберг работал школьным врачом, с просьбой подписаться, что они и сделали (*Lejins A. Mūra drupinātājs jeb Ceļš atpakaļ uz mājām. R., 2002. 74. lpp.*).
- ¹⁰⁰ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 40817, л. 33—35.
- ¹⁰¹ «Перконкрустс» (латыш. «Громовой крест») — политическая организация в Латвии (образовалась из основанной в 1922 г. организации «Латышский национальный клуб»), включала главным образом студенческую молодежь (руководитель Г. Целминьш). Программа и атрибутика были заимствованы у итальянских фашистов и немецких нацистов. В 1934 г. была запрещена латышскими властями. В начале нацистской оккупации (июнь 1941 г.) возобновила свою деятельность, и ее члены добровольно участвовали в массовых расправах над советскими активистами и евреями; в августе 1941 г. была запрещена оккупационными властями, а ее члены влились в нацистский репрессивный аппарат. — *Ред.*
- ¹⁰² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. Р-7021, оп. 93, д. 2393, л. 17—18.
- ¹⁰³ Ventas Balss. 1941. 22. aug.
- ¹⁰⁴ ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 93, д. 2393, л. 36.
- ¹⁰⁵ Там же, л. 32.
- ¹⁰⁶ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 40817, л. 15, 60.
- ¹⁰⁷ Landgericht Hannover, Strafteil gegen Grauel, S. 62.
- ¹⁰⁸ ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 93, д. 2393, л. 28, 54. А. Озола свидетельствовала, что это было в сентябре, когда крестьяне убирали урожай, а Ф. Фогелис — что в октябре.

- ¹⁰⁹ Там же, л. 160.
- ¹¹⁰ Там же, л. 107.
- ¹¹¹ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 21669, л. 48.
- ¹¹² *Siliņš L.* Nacistiskās Vācijas okupanti mūsu tautas lielās cerības un rūgtā vilšanās. R., 2002, 143. lpp.
- ¹¹³ *Ereignismeldung* (нем. «Сообщение о событиях») — бюллетень, издававшийся нацистами. — *Ред.*
- ¹¹⁴ МЕЛ, III-2180, л. 142.
- ¹¹⁵ Landgencht Hannover, Strafurteil gegen Grauel, S. 114—138.
- ¹¹⁶ Р. Бац до ноября 1941 г. командовал эйнзацкомандой 2.
- ¹¹⁷ *Waffen SS* (нем. «вооруженные СС») — войска СС. Считались элитными частями и находились под личным командованием рейхсфюрера (высшего руководителя) СС Г. Гиммлера. — *Ред.*
- ¹¹⁸ МЕЛ, III-2180, л. 176—179.
- ¹¹⁹ Янис Зариньш был арестован 3 июня 1948 г. и осужден за то, что «с первых дней немецкой оккупации работал в вентспилесской уездной полиции шофером. В марте 1943 г. зачислен в 280-й полицейский батальон и послан в карательную экспедицию в Белорусскую ССР, где находился два с половиной месяца, участвовал в ловле партизан. По возвращении из карательной экспедиции продолжал работать шофером в полиции, длительное время возил начальника уезда на различные карательные операции, а в 1944 г. дважды возил полицейских ловить партизан». Я. Зариньш был приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей, пяти годам поражения в правах, а также к конфискации имущества. В 1954 г. военный трибунал прибалтийского военного округа уменьшил наказание до 10 лет. Я. Зариньшу не инкриминировалось участие в расстрелах евреев, в следственном деле они вообще не упоминаются, но в 1970 г. дело Зариньша просматривал следователь КГБ в связи со сбором материалов на К. Лобе.
- ¹²⁰ Я. Зариньш рассказал, что видел в гетто, как двое немецких офицеров ножницами отрезали евреям бороды, а затем заставили делать это самих евреев.
- ¹²¹ Landgencht Hannover, Deposition of Zariņš.
- ¹²² Ibid.
- ¹²³ Т.е. латышской вспомогательной полиции. См. также прим. 86. — *Ред.*
- ¹²⁴ ЛГИА, ф. 1726, оп. 1, д. 1, л. 2.